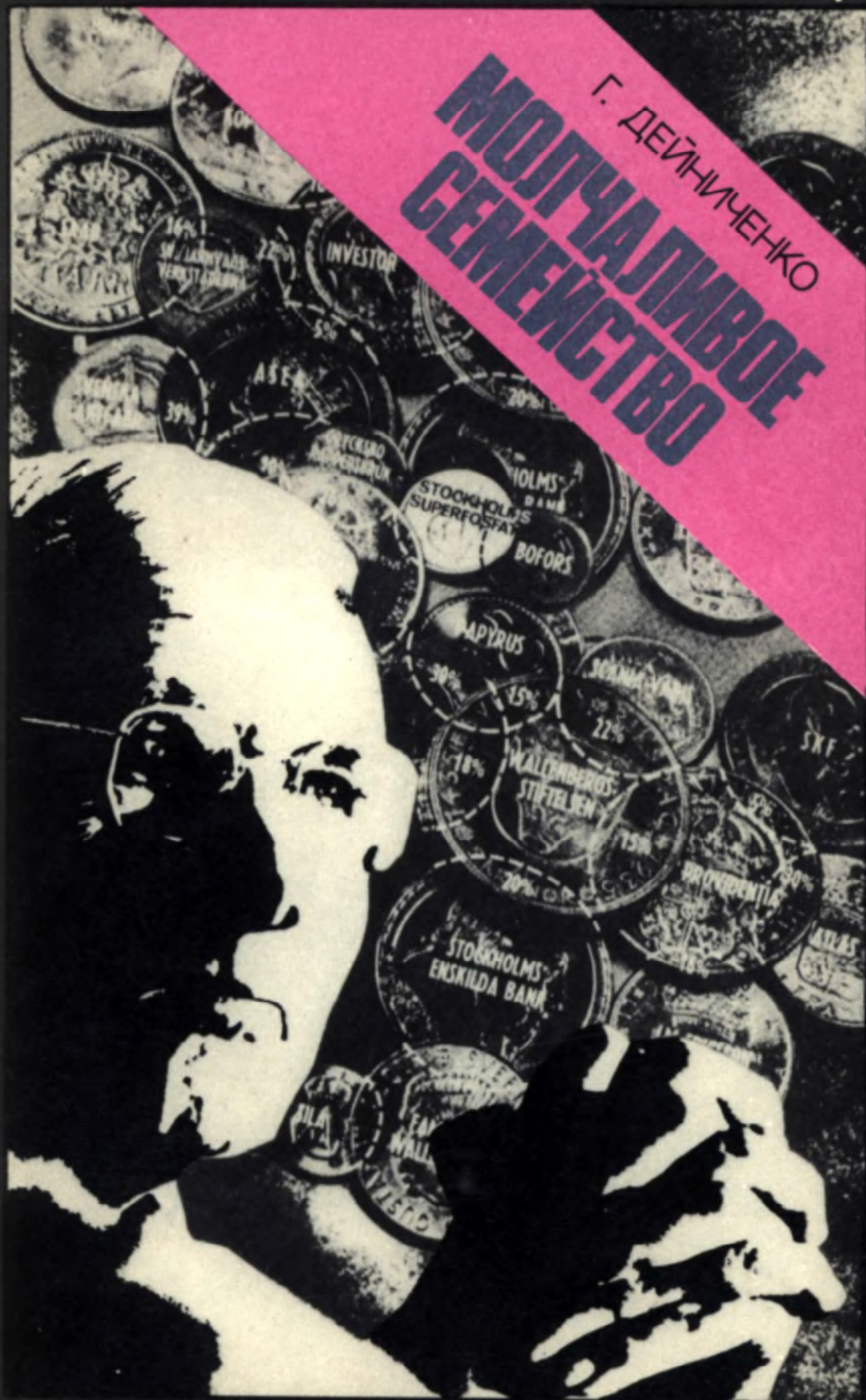

Владыки капиталистического мира

Г. ДЕЙНИЧЕНКО

МОЛЧАЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО

Владыки
капиталистического
мира

МОЛЧАЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО

Г. ДЕЙНИЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1975

Содержание

ВЫСТРЕЛ В ХУДДИНГЕ	3
ДЕМОКРАТИЯ ХОЗЯЕВ	5
ОТ СЕДЬМОГО КОЛЕНА	13
«ИМПЕРИЯ» И ЕЕ ПРАВЯЩИЙ ДУЭТ	20
ЗА ЗАВЕСОЙ МОЛЧАНИЯ	27
В СОЮЗЕ С РЕАКЦИЕЙ	35
БОРЬБА ОБОСТРЯЕТСЯ	43

Д27 Дейниченко Геннадий Валентинович
Молчаливое семейство. М., Политиздат, 1975.
 48 с. (Владыки капиталистич. мира).

«Империя» Валленбергов — так определяют владения фактических хозяев шведского банка «Скандинависка эншилда банкен». Семейство Валленбергов представляет собой крупнейшую группировку финансового капитала в Скандинавии и одну из крупнейших в Западной Европе. Она обладает разветвленной сетью предприятий в Швеции и за рубежом. «Дом Валленбергов» оказывает огромное влияние на формирование внутренней и внешней политики Швеции. В брошюре, написанной журналистом-известинцем, вскрываются тайные связи банковской династии, разоблачаются ее махинации.

Памфлет рассчитан на самые широкие круги читателей.

Д $\frac{11105-125}{079(02)-75}$ 201—75

33И

Заведующий редакцией *В. Т. Пискунов*

Редактор *Л. С. Боярская*

Художник *Г. Ш. Басыров*

Художественный редактор *С. И. Сергеев*

Технический редактор *Н. Е. Трояновская*

Ответственные корректоры *В. П. Аносова, Н. И. Ильина*

Сдано в набор 18 ноября 1974 г. Подписано в печать 22 января 1975 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 2,52. Учетно-изд. л. 2,79. Тираж 180 тыс. экз. А00006. Заказ № 4031. Цена 10 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
 Москва, Краснопролетарская, 16.

© ПОЛИТИЗДАТ, 1975 г.

Выстрел в Худдинге

В редакциях крупнейших стокгольмских газет непременно найдется тихая, скрытая от посторонних глаз комната, оборудованная радиоприемником специальной конструкции. День и ночь напролет у аппарата бодрствует дежурный репортер. Приемник настроен на волну диспетчерского пункта столичной полиции, куда стекаются донесения о всех происшествиях и откуда следуют команды о действиях полицейских патрулей. Контрабандный (или, скорее, полуконтрабандный) радиоперехват позволяет газетчикам, вытаскивающим и подхватывающим всякого рода сенсации, постоянно быть в курсе скандальных новостей, и репортеры уголовной хроники, бывает, добираются к месту происшествия раньше полицейского патруля.

В ту ноябрьскую ночь 1971 года голоса диспетчеров — взволнованные и бесстрастные, но одинаково усталые — особенно часто повторяли слово «Худдинге».

Худдинге — местечко, тяготеющее к Большому Стокгольму. Ничем оно особенно не знаменито, разве что тем, что строили там современный больничный комплекс. Вокруг — густые леса, раздолье для любителей грибов и ягод, чем, собственно, Худдинге и привлекает столичных жителей, благо и сообщение удобное: в леса Худдинге ведут сразу две автомобильные дороги — автострада № 3 и шоссе № 226, да и одна из конечных станций столичной подземки недалеко. Места, понятно, не глухие, и потому, хоть шведский ноябрь не сезон для грибного промысла, в лесу под Худдинге был сравнительно быстро обнаружен труп неизвестного с ранами из огнестрельного оружия.

Полиции не составило труда опознать погибшего. Это был Марк Валленберг, 47 лет, житель Стокгольма, род занятий... Вот род занятий и придавал этой печальной истории совершенно необычный, сверхсенсационный характер. Ведь Марк Валленберг занимал пост председателя правления стокгольмского «Эншильда банк» (одного из тогдашней тройки крупнейших банков Швеции), считался неоспоримым наследным принцем в могущественной «империи» Валленбергов — важнейшем, пожалуй, центре современной шведской финансовой олигархии.

Столь же быстро полиция установила и другое. Не было никаких злоумышленников, покушавшихся на жизнь Марка Валленберга. Он покончил самоубийством, пустив в себя заряд из охотничьего ружья. Оно валялось рядом — классическое вещественное доказательство, облегчившее работу целой когорты следователей и экспертов.

Самоубийства в Швеции не редкость, и шведские социологи приложили немало сил, чтобы объяснить, почему в этой стране, известной своим высоким жизненным стандартом и завоеваниями, которых добились трудящиеся, никак не удается остановить кривую самоубийств. В пухлых трудах на эту тему пространно рассказывается и об одиночестве, которое испытывает швед, затерянный на глухом хуторе в бескрайних шведских лесах, и о древнем психологическом комплексе «эттестюпа» (так назывался в старые времена утес, с которого бросались, разбиваясь насмерть, старики, не желавшие в голодный год служить обузой семье), и о неразделенной любви... Ни одна из этих причин не подходила к наследному принцу финансово-промышленной «империи». Счастливый муж и отец, светский человек, общительный и с широким кругозором — таким рисовали обычно Валленберга-младшего газеты. И уж, конечно, никому в Швеции не приходило в голову, что его семья может испытывать какие-либо материальные затруднения.

Трудно, в самом деле, представить шведа, который родился бы под более счастливой звездой, чем Марк Валленберг. Он вступил в жизнь уже после того, как хозяева «Эншильда банк» сделали решающий рывок к вершинам финансового мира, и ему не пришлось, как его пращурам, переживать тревоги спадов, грозивших самому существованию банка. Он получил образование в лучших университетах Европы и США. К моменту, когда Марк занял первый важный пост в руководстве «Эншильда банк» — семейном предприятии Валленбергов, он накопил уже немалый опыт управления сложнейшими банковскими операциями в Швеции и за границей и показал себя умелым финансистом. Он пользовался и репутацией достаточно ловкого политика. Это, в общем, был благополучнейший из благополучных Валленбергов. Так что же произошло в лесу под Худдинге — просто несчастье или продуманный акт? Или это был слепой случай, так сказать, стихийное проявление статистических законов?

Короче, перед шведскими газетчиками, любителями «жареного», открылось просто необозримое поле деятельности. Но газеты не откликнулись на эту небывалую сен-

сацию аршинными заголовками. Более того, они вели себя куда сдержаннее, чем в том случае, если бы погибший оказался простым смертным. В кратких газетных комментариях не было и строки досужих рассуждений, а тем более догадок. Все буржуазные газеты подчеркивали лишь, что мотивы самоубийства Марка Валленберга были сугубо личного порядка, да кое-где мелькало модное слово «стресс» — переутомление.

Между тем сдержанность прессы никак не отражала истинных настроений кругов, к которым принадлежал молодой Валленберг. Шведские дельцы хорошо помнили историю с самоубийством Ивара Крейгера в 1932 году. Тогда пистолетный выстрел, раздавшийся в парижском отеле, прозвучал как сигнал едва ли не крупнейшей финансовой катастрофы нашего времени. Надо ли говорить, какой переполох поднялся среди шведских, да и не только шведских, бизнесменов после происшествия в Худдинге. Только ли Марк Валленберг испытывал «стресс» или же вся финансово-промышленная «империя» Валленбергов?

Конечно, столь грубая материалистическая постановка вопроса нарушала благопристойную атмосферу траура, царившую в семействе. И через газеты было пущено авторитетное суждение экспертов об устойчивом положении банка Валленбергов. Судя по всему, это суждение соответствовало действительности, но любители задавать вопросы не успокоились. Они стали гадать, кому достанется титул кронпринца. Наконец, когда было названо имя Ханса Мунка аф Розеншельда, свояка Валленбергов, разрешился и этот вопрос.

Однако главная загадка — в чем причины несчастья — по-прежнему требовала ответа. В те дни Стокгольм был полон самых противоречивых слухов. Говорили о том, будто трагедия в Худдинге положила конец тяжелым распрям, глухо бурлившим в семействе, будто распри эти связаны были с неким серьезным вопросом финансового характера. Говорили, будто... Впрочем, повременим со слухами. Ведь чтобы понять суть дела, надо представить себе сначала, кто такие Валленберги, что значат они для Швеции.

Демократия хозяев

Шведы гордятся своей демократичностью. Еще бы не гордиться: в стране живет 8 миллионов шведов, и почти все на «ты» друг с другом. На «ты» между собой депутаты

парламента от соперничающих партий, пусть хотя бы в неофициальной обстановке, и сотрудники всех звеньев какого-нибудь учреждения, участники телевизионной дискуссии о благонравии и просто прохожие. Журналистам известно даже одно крупное промышленное предприятие, где рабочие позволяют подобную простоту в общении с хозяином. Всерьез обсуждался проект официального внедрения «ты» в шведской армии, пока командование не усмотрело в нем покушения на воинскую дисциплину.

Существует, однако, незримая грань, переступив которую даже шведские архидемократы вдруг утрачивают свои привычки и вспоминают старинную, хотя и несколько громоздкую, формулу обращения в третьем лице: «Не может ли господин директор сказать мне?», «Как считает господин горный инженер?» и т. п. Откуда же появляется третье лицо, если беседуют двое? О, оно присутствует незримо. Это — его величество капитал. Любой швед считает эту сверхвежливую формулу обязательной, если общается с сильными мира сего.

В Швеции немало директоров, горных инженеров или советников. Далеко не все они относятся к кругу лиц, которых шведы ассоциируют с теми, кто обладает реальной властью в их стране. Власть эта сосредоточена в руках клана богачей, крупных предпринимателей, кучки мультимиллионеров, нередко предпочитающих титулы попроще графских. Им фактически принадлежит последнее слово в экономической жизни, в определении важнейших направлений шведской политики, и слово это — решающее.

«Да, власть шведских мультимиллионеров огромна, гораздо больше, чем мы до сих пор думали», — с горечью признала как-то стокгольмская газета «Афтонбладет», редакторы которой, как считается, свято верят в принципы и идеалы социал-демократии. Этому признанию явно должен был предшествовать некий шок, серьезно потрясший социальный организм Швеции и обнаживший его подлинную внутреннюю структуру. Именно такое воздействие произвел на шведское «общество благосостояния» доклад парламентской комиссии по исследованию концентрации в экономике.

Само создание комиссии причинило много хлопот социал-демократическим властям, которым пришлось выслушать немало упреков и плохо скрытых угроз со стороны буржуазной оппозиции. Беспокойно было и шведским предпринимателям, испытывающим до сих пор, несмотря на сорокалетний опыт сосуществования с социал-демократиче-

ским режимом, ужас перед организованным рабочим движением.

Все началось с того весеннего дня 1960 года, когда депутат риксдага (парламента) от социал-демократической партии Андерс Хаглюнд, разгоряченный скандалом вокруг спекулятивных сделок фирмы «Хэгглюнд и сыновья», заявил в ходе парламентских дебатов, что-де граждане имеют право знать, что творится в стенах правлений крупных частных предприятий. Разумеется, это заявление, сделанное в канун Первого мая, традиционного праздника солидарности трудящихся, имело и чисто пропагандистское значение. Оно должно было показать шведским рабочим, что социал-демократы не игнорируют их требования ограничить всевластие монополий.

Как бы там ни было, заявление Хаглюнда приобрело форму парламентской резолюции о создании соответствующей комиссии по исследованию концентрации в экономике со всеми вытекающими из парламентской процедуры последствиями в виде дебатов в различных комиссиях, подкомиссиях и комитетах, где фактически предрешаются все парламентские акты в Швеции. Уже на ранних стадиях обсуждения фаланга буржуазных депутатов, возглавляемая представителями правой партии*, пыталась провалить резолюцию Хаглюнда, и это им чуть не удалось. Во всяком случае, в комиссии по финансовым вопросам она была напроць забаллотирована. Понадобились тонкие маневры, чтобы вытащить резолюцию на пленарное заседание риксдага. И эта стадия была столь же рискованной. Ведь социал-демократы имели тогда перевес над буржуазной оппозицией всего в шесть мандатов. Стоило одному из социал-демократических депутатов заболеть, другому уехать за рубеж, третьему вообще не явиться на заседание, как это нередко бывает, и никакого решения так бы и не было принято. Однако правительство продолжало бороться за резолюцию. Ведь отступление грозило ему серьезной потерей престижа.

Судьбу резолюции решила позиция ряда депутатов партии центра, представители которой незадолго до этого во время предвыборной кампании, обращаясь к своим избирателям-фермерам, говорили довольно резко о крупных монополиях — о том, что монополии «вырезают широкие ремни из спин шведов», о том, что монополии «во время кризиса и нужды наживают неслыханные богатства». Голосо-

* Теперь она именуется «умеренной коалиционной партией».

вать после этого против резолюции, обещающей разобраться в махинациях монополий, было не так-то просто. Голосовать «за» представители этой партии, стоящей в оппозиции правительству, не имели «морального права». И при окончательном обсуждении резолюции Хаглюнда некоторые депутаты-центристы воздержались.

Результатом этой парламентской игры стало создание комиссии по изучению «концентрации в шведской экономике», которую возглавил профессор Ги Арвидссон. Глубокой осенью 1960 года комиссия, не торопясь, приступила к работе. Не торопясь, потому что комиссию ждал кропотливый труд, да и теперь, когда престиж правительства был спасен, от нее не требовалось спешки.

Политические сенсации скоротечны. Уже через год мало кто помнил о дебатах вокруг резолюции Хаглюнда, а потом широкая публика забыла о них и вовсе. И когда 14 февраля 1968 года, через семь с лишним лет после создания комиссии, на стол министра финансов Гуннара Стрэнга легли четыре увесистых тома ее отчета, до отказа заполненных цифровыми выкладками, диаграммами, сводками и графиками, это произвело впечатление разорвавшейся бомбы.

Что же за взрывчатую начинку содержала тысяча страниц отчета? Данные комиссии неоспоримо подтверждали: концентрация экономической мощи в Швеции огромна, выше даже, чем в США и Западной Германии! В общем-то это был секрет полишинеля. Всякому мало-мальски образованному шведу известно, что Швеция — страна монополистического капитала, что продукция существующих в Швеции государственных предприятий, несмотря на всю их важность для экономики в целом, составляет лишь 6 процентов всего промышленного производства, что шведские мультимиллионеры держат под своим контролем практически все народное хозяйство страны. Обо всем этом убедительно говорилось в книге лидера шведских коммунистов К.-Х. Херманссона «Монополии и крупный капитал», вышедшей еще в 1962 году в Стокгольме. Но лишний раз напоминать об этом, по мнению хозяев современной Швеции, вряд ли следовало. Разве так уж безмятежна шведская действительность? Разве не прорывается то здесь, то там недовольство трудящихся несправедливостью социальных условий? Разве не открываются глаза шведов на то, что все официальные рассуждения о «государстве всеобщего благоденствия» — это всего лишь ширма, за которой хозяева, как и прежде, обделяют свои делишки?

Отчет комиссии простым напоминанием о могуществе

монополий волей-неволей добавлял горючего в тлеющий костер социальных конфликтов. Но этот объемистый документ содержал еще и массу подробностей, о которых, опять-таки по мнению хозяев современной Швеции, знать простому шведу вовсе непозволительно. В так называемую «массовую печать» эти подробности и не попали. Но она вынуждена была говорить о том, что экономической жизнью страны фактически распоряжаются 17 групп финансового капитала, что на долю предприятий, которые прямо или косвенно контролируются этими группами, приходится более трети всей промышленной продукции Швеции. «В нашей повседневной жизни,— сокрушалась «Афтонбладет»,— мы целиком зависим от товаров и услуг, производимых предприятиями 17 групп».

Если бы зависимость шведов от монополий сводилась лишь к этому! На заводах, в конторах, магазинах, типографиях, пароходствах, на шахтах и лесоразработках, принадлежащих этим 17 монополистическим группировкам, трудятся полмиллиона шведов. Если учесть их семьи, то окажется, что уже целых два миллиона человек состоят в прямом подчинении у верхушки шведского финансового капитала. Два миллиона — это четверть населения Швеции! Остальные три четверти трудятся на капиталистов поменьше, которые в свою очередь в большей или меньшей степени зависят от того, как идут дела «наверху». И когда «наверху» кто-нибудь чихнет, то целую цепочку мелких предпринимателей, как правило, охватывает эпидемия разорений, банкротств...

Разрыв между масштабами деятельности «верхних» 17 групп финансового капитала и тысяч мелких шведских предпринимателей огромен. У первых — мощные предприятия, оборудованные самыми современными машинами, у вторых — зачастую крохотные мастерские. В Швеции насчитывается примерно 13 тысяч промышленных предприятий, 100 из них производят половину продукции всей шведской промышленности. Эта сотня предприятий тесно связана между собой не только узами чисто производственных нужд, но и незримыми нитями картельных и иных соглашений о разделении рынков и производства. Подобного рода соглашений в Швеции относительно больше, чем в той же Западной Германии. Крупнейшие промышленные компании Швеции, писала стокгольмская газета «Дагенс нюхетер», комментируя отчет упомянутой комиссии по изучению концентрации в экономике, «интегрированы сильнее как горизонтально, так и вертикально».

Нечего и говорить, что среди владельцев этой сотни предприятий нет «аутсайдеров». Все они и каждое в отдельности так или иначе входят в сферу влияния той или другой группы шведского финансового капитала.

Что же это за группы? Пожалуй, наиболее общая их характеристика заключается в том, что каждая из них представляет собой, так сказать, «семейное дело». Два-три, от силы четыре родственника при помощи наемных директоров распоряжаются миллионными оборотами предприятий своего концерна, принадлежащих им лично. Список этих семейств довольно стабилен. Вот имена восьми первых, чье состояние превышает 100 миллионов крон: банкиры Валленберги, судовладелец Брустрём, хозяин шахт и рудников Кемпе, крупнейший издатель Скандинавии Боньер, заводчик Сёдерберг, «стальной король» Юнсон, владелец крупнейших универмагов страны Олен, всешведский поставщик цемента Ветье...

Итак, Валленберги. Они открывают список крупнейших и влиятельнейших групп финансового капитала Швеции, равнозначный — или почти равнозначный — реестру самых больших шведских богатеев. Речь идет, разумеется, не о личном состоянии Валленбергов, которое составляет «все-го» 500 миллионов крон. Братья Валленберги — Якоб и Маркус — «беднее» Брустрёма и Боньера. Однако вовсе не эти полмиллиарда являются мерилом могущества Валленбергов — не имеет себе равных в Швеции их финансовая «империя». Чтобы «выкупить» эту «империю», нужно не менее 100 миллиардов крон. «Даже министр финансов не наскребет такой суммы», — иронизируют в Швеции. Да и откуда ее наскрести, если примерно в такой цифре исчисляется стоимость всех товаров и услуг производимых в стране за год.

Могущество Валленбергов характеризуют по-разному:

— На Валленбергов работают двести тысяч человек только в Швеции, — говорят одни.

— Десять самых крупных предприятий Валленбергов, — указывают другие, — входят в «клуб миллиардеров», то есть относятся к числу тех предприятий, чей годовой оборот превышает один миллиард крон.

— Ежегодные прибыли валленберговских предприятий составляют двадцать миллиардов крон — две трети государственного бюджета Швеции, — подчеркивают третьи.

— Валленберги занимают более ста директорских постов в правлениях различных компаний, — замечают четвертые.

Меняются характеристики, расходятся цифровые выкладки, но вывод все равно один: клан Валленбергов — самый могущественный из 17 групп шведского финансового капитала. И не просто самый могущественный, а в 3—4 раза крупнее ближайшего по масштабам соперника.

В Швеции практически нет такой отрасли экономики, области хозяйственной деятельности, в которой не укоренилась бы династия Валленбергов. Крупнейшие, самые известные шведские фирмы обязательно входят в сферу их интересов. Телефоны с маркой «Л. М. Эрикссон», шарикоподшипники всемирно известной фирмы СКФ, пылесосы и холодильники «Электролюкс», юркие малолитражки «Сааб», грузовики и автобусы «Скания-Вабис», электродвигатели и турбины АСЕА, пушки и броневики «Буфорс», наконец, знаменитые шведские безопасные спички — все это приносит прибыли семейству Валленбергов.

Говорят, даже поклонники Валленбергов не могут придумать более точного определения для их владений, чем слово «империя», настолько они обширны и не укладываются в такие привычные термины политэкономии, как «трест» или «концерн». Валленберги управляют десятками предприятий, разбросанных по многим странам мира — и в Европе, и в Новом Свете, и в Африке; во главе этой сложнейшей системы тесно связанных между собой компаний, трестов, инвестиционных фондов, дочерних предприятий стоит частный семейный банк Валленбергов. Схемы и графики, показывающие связи банка с другими могущественными группами шведской финансовой олигархии, не укладываются на развороте журнальных страниц.

Банк—стержень, опора, краеугольный камень «империи» Валленбергов, по словам известного шведского социолога Оке Уртмарка, «центр могущественной финансовой, промышленной и *политической* организации». Могущество это признано, так сказать, в международном масштабе, не одними лишь шведами. В семействе Валленбергов, отмечала, например, английская «Файнэншл таймс», «самые могущественные и самые влиятельные люди сегодняшней Швеции». Рупор Сити не станет без серьезных оснований бросаться такими определениями.

Говоря о Валленбергах, самые разные авторы неизменно подчеркивают именно эту сторону дела, видя в ней едва ли не уникальное явление для современного капиталистического мира. Уникальное потому, что «ни в одной промышленной стране Запада нет семейства, обладающего такой огромной экономической властью». Эта цитата заимст-

вована из американского журнала «Тайм». Что же, редакторы этого издания, хорошо осведомленные в вопросах международного бизнеса, ставят Валленбергов выше, скажем, тех же Рокфеллеров или Хантов? Нет, разумеется. Это несоразмерные величины. Определение «Тайма» подчеркивает другое: Валленберги не имеют среди своих соотечественников равных себе по мощи и влиянию конкурентов.

Уже эта уникальность ставит Валленбергов на одну доску с крупнейшими финансовыми «империями» остального капиталистического мира. Они идут на равных с 500 некоронрованными банковскими и промышленными королями, а кое в чем даже опережают своих «коллег». Американский журнал «Форчун» включал одного из братьев-банкиров, Маркуса, в двадцатку богатейших людей мира, а это не так уж мало для тех, кто измеряет престиж и положение индивидуума звонкой монетой.

Но опять-таки дело не в личном состоянии. Разве Крупп, скажем, не фигура для сравнения «веса» того или иного бизнесмена? Так вот, в период своего расцвета крупновский концерн был меньше «империи» Валленбергов. Однако концерн Круппа — это уже прошлое. Возьмем другой международный трест — «Филипс», процветающий в радиоэлектротехнике. На его заводах работает меньше людей, чем на предприятиях Валленбергов. Да и всемирно известный, рванувшийся в последние годы вперед итальянский «Фиат» меньше владений Валленбергов.

Самые богатые, самые влиятельные, самые могущественные — вот каковы эти «несравненные» Валленберги. Вместе с подобными себе кланами, группирующимися вокруг других шведских банков, они составляют верхушку финансовой олигархии в Швеции, которую уже упомянутый социолог Оке Уртмарк именует «центром власти», неотъемлемой частью современного шведского «истэблишмента».

Швед может гордиться демократическими традициями своей страны, хоть они и не такие уж древние, может считать себя полноправным гражданином, может быть на «ты» чуть не со всеми своими соотечественниками. Но когда ему приходится испытывать на себе жесткую хватку монополий, распоряжающихся его страной, он с горечью и едкой иронией называет шведскую государственную систему «демократией хозяев». С этой «демократией» швед не может и не хочет быть на «ты», им не по пути, между ними идет острая неутихающая борьба.

От седьмого колена

Шведу, пожалуй, гораздо проще, чем представителю любой другой нации, установить свою родословную. В старину по Швеции, бывало, прокатывались войны. В городах случались страшные пожары. Однако завоеватели не были иноверцами и щадили церкви. Их каменные стены успешно противостояли и стихийным бедствиям. В храмах не было особых богатств, зато они хранили и хранят по сей день записи о рождении и смерти всех жителей прихода. Так что если у нашего современника, живущего где-нибудь в Стокгольме, Евле или Муре, есть желание и конечно же средства покопаться в прошлом, то специалистам не составит труда вывести его генеалогию.

— Мы обычно не идем дальше XVII века,— говорил один такой специалист.— Поскольку шведов не так много, то всегда можно подыскать косвенное родство с каким-либо более или менее известным деятелем. Обычно этого достаточно, чтобы польстить самолюбию клиента.

Разумеется, составлено и генеалогическое древо Валленбергов. Неизвестно лишь, чья это заслуга — самих банкиров, пожелавших поподробнее познакомиться со своими предками, или неутомимых историков этого клана, действовавших на свой страх и риск. Неизвестно и то, до какого колена на самом деле докопались специалисты. Широкой же публике представляют в качестве основателей нынешнего семейства Валленбергов братьев Якоба и Маркуса, живших во второй половине XVIII века, в памятную «густавианскую эпоху», когда стокгольмский королевский двор пытался соперничать с Версалем, а сотни, тысячи, десятки тысяч шведов погрязали в нищете, умирали от голода и туберкулеза, бродяжничали и побирались.

Впрочем, Маркус и Якоб носили фамилию Валльберг, которую позднее по ведомым лишь им причинам они видоизменили, добавив к ней лишний слог. Они не принадлежали к числу обездоленных, но были далеки и от столичной знати. Искатель приключений Якоб Валльберг впоследствии прославил свое имя рискованным в те годы путешествием на судне «Финланд» в Ост-Индию, и даже не столько самим путешествием, сколько описанием его в небольшой книжке «Мой сын на галере», которую иные современные шведские литературоведы относят к числу наиболее выдающихся произведений той эпохи. Трудно судить, с какой точностью установлено его авторство. Ведь книжка вышла анонимно. Якоб был пастором и, как говорят теперь,

не осмелился поставить свое имя под чисто светским литературным трудом.

Маркус тоже был священнослужителем, и перед ним открывалась устойчивая карьера. Однако карьере сделал его сын — тоже Маркус. Он прославился не литературными упражнениями, как дядя, а тем, что служение церкви успешно сочетал со служением Маммоне, делом богопротивным с точки зрения христианской догмы (вспомните изгнание менял из храма!). Это не помешало ему стать епископом в городе Линчёпинге. Он и впоследствии весьма энергично занимался выгодными деловыми операциями, в частности в ходе строительства Гёта-канала, которому придавалось общенациональное значение, но который на самом деле был призван служить в первую очередь интересам шведских купцов, жаждавших заполучить более дешевый и более надежный водный путь из Балтики в Северное море.

Когда оборотистый линчёпингский епископ скупал земельные участки по берегам Гёта-канала и налаживал — к своей выгоде, разумеется, — судоходное движение по каналу, никто еще и не подозревал, что прямой его потомок станет основателем частного банка, которому суждено будет войти в число крупнейших финансовых учреждений современной Швеции. Время линчёпингского епископа было, так сказать, временем первоначального накопления капиталов семейством Валленбергов. Эпоха банков наступила позднее.

Капитализм пришел в Швецию с запозданием по сравнению с другими странами Западной Европы. Шли уже 50-е годы прошлого столетия, когда на верфях Вифставерфт загремела первая паровая лесопилка, а в текстильных мастерских появились первые прядильные машины. Это было вещественное выражение новых социальных отношений, бросивших под откос истории патриархальную Швецию и заставивших ее приспособляться к новым отношениям в обществе, главным законом и двигателем которого становились прибыль, капитал, акции. Приспосабливались к этим отношениям дельцы старого типа, приспосабливалась власть. Была прокламирована свобода хозяйственной деятельности, отменены ограничения в торговле с зарубежными странами, принят закон, уравнивающий мужчин и женщин в наследственных правах.

Шведские историки называют этот период «эрой либерализма». Но либерализм этот фактически распространялся лишь на узкий слой богачей, жаждавших повыгоднее применить свои капиталы. Тогдашние шведские радикалы

легко удовлетворились отменой закона о запрещении газет и обещанием реформы сословного риксдага, готовившейся, кстати говоря, еще долгие годы. Что же касается тех, кто гнул спины за новыми машинами в прядильнях и махал топорами на лесоразработках, то в их жизни не произошло заметных перемен. Та же бедность, то же полуголодное существование, те же бесправие да телесные наказания для поднимавших голос протеста против этих порядков.

В одну из зим «эры либерализма», сулившей так много удач предпринимателям, а если быть точным — в феврале 1856 года, сын линчёпингского епископа, отставной военноморской офицер, а в ту пору уже заметный политик, подвизающийся в частном предпринимательстве, или, скорее, предприниматель, увлекшийся политикой, Андре Оскар Валленберг и выдвинул план создания крупного банка. Нельзя сказать, что подобная идея явилась ему случайно. Банковское дело давно привлекало Андре Оскара. Он поднакопил уже кое-какой опыт на этом поприще, будучи одним из основателей так называемого «Филиала банка в Сундсвалле». Но узкое поле деятельности провинциального банка его не устраивало. Нужно было основать финансовое заведение в столице, где вершились миллионные сделки, заключались наиболее крупные, выгодные подряды.

Андре Оскару Валленбергу было в ту пору 40 лет, и за его спиной лежала пестрая жизнь. Он уже успел отслужить юнгой на торговом судне, окончить военно-морскую школу в Карлскруне и расстаться с морской карьерой, как бы модна и доходна она ни была. Служба на линейном корабле «Принц Оскар» или шкиперство на судах, обслуживавших грузовые линии Гёта-канала, были, конечно, выгодным и респектабельным занятием в глазах соотечественников Андре Оскара, но разве можно было там развернуться понастоящему? Молодой Валленберг жаждал не славы. Как истый представитель нарождающегося капиталистического общества, он был обуян духом стяжательства, жаждой обогащения. Отбывая вахты на «Принце Оскаре», второй лейтенант Валленберг думал не о службе. Он ревностно изучал «Торговую переписку для начинающих». Он стремился вкладывать накопленные к тому времени средства в любое дело, сулившее не просто доход, а быстрое обогащение. Таким делом показалось ему однажды издание газеты, и он готов был перекупить у видного либерального политика и предпринимателя Ларса Юхана Ерты газету «Афтонбладет», но Ерта не захотел расставаться со своим детищем. Занятия политикой приносили известность, которая, конеч-

но, тоже была капиталом своего рода, но не прибыль. Только банк, не провинциальный, а столичный, мог удовлетворить коммерческие амбиции бывшего второго лейтенанта шведского королевского флота.

Отставной лейтенант был человеком дела, да и официальные хлопоты не отняли на этот раз много времени, и уже осенью — 15 октября 1856 года — на узкой улочке Лилла Нюгата в старой части Стокгольма появилась контора нового финансового учреждения — Стокгольмский частный банк («Эншильда банк») с акционерным капиталом в 1 миллион риксдалеров.

Так был заложен фундамент будущей финансовой «империи», создано ядро крупнейшей группировки финансового капитала сегодняшней Швеции.

В те годы, о которых мы ведем сейчас речь, в Швеции возникало немало новых предприятий, акционерных обществ и компаний. Лица, стоявшие за их созданием, называли себя новомодным, заимствованным из немецкого языка словечком «грюндаре» — основатели. Простые шведы толковали это заграничное слово по-своему. В их понимании оно было синонимом слова «мошенник» — лингвистический парадокс, конечно, но, видимо, небезосновательный.

Андре Оскар был «грюндаре». В его известной нам биографии, как и в жизни его предков, если смотреть на нее глазами самого Андре Оскара и ему подобных, нет, правда, чего-либо предосудительного. Тем типичнее для своего времени была эта фигура и тем страшнее. Сухарь с арифмометром вместо души, убивший в себе все живые чувства, — таким представляется основатель стокгольмского «Эншильда банк» нашим современникам. Брак был для него коммерческим предприятием. «Дешевле было бы жениться», — говорил он еще юношей, подводя итоги своих холостых лет. Всю жизнь свою он на склоне лет изобразил в дневнике в виде бухгалтерской формулы, разнеся ее по графам «расходов» и подбив сумму.

И все же, повторяем, до основания банка Андре Оскар Валленберг не был «грюндаре» в том смысле слова, в каком его употребляли в просторечии. Зато после создания банка он пустился во все тяжкие. Об иных его операциях с валютой и облигациями, которые были в новинку для шведов, даже друзья говаривали, что это-де «сильно спекулятивный ход». Используя американский опыт, Валленберг первым в Швеции открыл кредиты для владельцев железорудных предприятий, и ему было все равно, шведы это были или англичане. Попутно шли «обычные» операции по кредито-

ванию строительства железных дорог, торговых сделок и т. п. Заодно банк — или сам Андре Оскар через банк — становился владельцем то мелких железных рудников, то лесоразработок. Компаньоны Андре Оскара были довольны. Еще бы: 25 процентов прибыли на вложенный капитал получал «Эншильда банк» в первые годы своего существования. Промышленный бум требовал все новых и новых капиталовложений, и промышленники готовы были на все, чтобы получить кредиты.

Но бум этот не был беспредельным, он выдыхался, и операции, которые осуществлялись под руководством Андре Оскара Валленберга, становились все рискованнее. Среди компаньонов зрело недовольство, и в 1871 году в руководстве банка произошел раскол. Восемь директоров, обвинив Андре Оскара в чрезмерно рискованном ведении дел, вышли из состава правления и основали свой банк, который и по сей день под именем «Свенска хандельсбанкен» остается главным конкурентом валленберговской группы.

Эта история едва не стала равнозначной концу коммерческой карьеры А. О. Валленберга и его банка. Падение конъюнктуры перерастало в кризис — один из жесточайших спадов, которые периодически сотрясают капиталистическую экономику. Помимо статистики о кризисе конца 70-х годов прошлого века в Швеции остались полуполюгенды-полуанекдоты. Одни разорялись безмолвно, другие пытались спастись, идя на невероятные сделки. Безупречнейшие представители света вдруг оказывались подлецами и откровенными жуликами. Но шведские деловые круги лихорадило не только от великосветских скандалов. В низах бродило недовольство. На рудниках, фабриках и лесоразработках вызревала решимость трудового люда к борьбе за свои права, вылившаяся в знаменитую Сундсвалльскую стачку, которую власти подавили силой оружия.

Валленберговский банк стоял в те годы накануне краха. Но он уже тогда принадлежал к числу таких предприятий, гибели которых не хотели и не могли допустить власти поддерживающие. Многие из них сами участвовали в операциях, осуществляемых банком, были владельцами его акций. И складывающееся шведское буржуазное государство пришло на помощь крупным промышленным воротилам и банковским магнатам. Казна создала специальный фонд для займов, выдававшихся под железнодорожные акции. «Эншильда банк» обладал множеством таких акций. Под их залог он получил 4-миллионный заем. Положение банка было спасено. Более того, заем позволил его хозяевам обеспечить

себя — на всякий случай — недвижимым имуществом, благо в предложении не было недостатка: то тут, то там шли с молотка имения, железорудные участки, леса и уголья.

Когда же шведская экономика выползла наконец из кризиса, банк Валленберга был одним из немногих финансовых учреждений страны, способных к крупным кредитным операциям, к серьезным капиталовложениям в ожившую промышленность. Этот период хроники Валленбергов связан уже не с именем отставного морского офицера, бросившего все ради наживы, а с деятельностью двух из его многочисленных отпрысков — Кнута-Агатона и его единокровного брата Маркуса.

Братья в отличие от Андре Оскара не бросались в авантюры. С завидной расчетливостью они вкладывали деньги в любые сулящие прибыль предприятия, укрепляя позиции банка, подготавливая плацдарм для новых завоеваний. Разумеется, в тот отрезок времени — а речь идет о конце XIX века — «Эншильда банк», как и другие шведские банки, еще не был всепроникающим и вездесущим. Ведь в Швеции тогда лишь складывался монополистический капитализм, в котором банки становились опорой, фундаментом групп финансовой олигархии. Поэтому и бизнес Валленбергов оставался во многом традиционным — железные дороги, недвижимое имущество, торговые сделки. Но его операции приобретали масштабность, размах, во многом предопределившие позднейшее влияние банка.

С подобным размахом была проведена, к примеру, операция «Сальтшобаден».

Сальтшобаден — это небольшое местечко в стокгольмских шхерах, всего в часе езды от столицы. Редкий вытоптаный лес у тупиковой железнодорожной платформы, лес погуще вокруг разбросанных по склонам холмов вилл, надежно огражденных табличками с надписью «Частное владение», да возвышающееся среди этих строений здание гостиницы «Гранд-отель» — вот, пожалуй, и весь Сальтшобаден. Место не очень отдаленное, зато тихое и спокойное, уединенное. Сюда приезжают те, кому не хочется быть объектом пристального внимания прессы, например игроки сборной хоккейной команды Швеции «Тре крунур» и даже люди посерьезнее, участники различных полуофициальных и неофициальных совещаний и конференций. Именно в здешнем «Гранд-отеле» в 1938 году боссы шведской индустрии вели доверительные переговоры с правыми лидерами шведских профсоюзов, которые завершились подписанием «Сальтшобаденского соглашения», соглашения о «классо-

вом мире», предавшего интересы рабочего класса. А среди широкой публики Сальтшобаден известен как один из наиболее фешенебельных столичных пригородов. Иметь виллу в Сальтшобадене совсем недавно считалось непременным признаком благополучия, процветания, принадлежности к сливкам общества.

Привкус исключительности придал Сальтшобадену Кнут-Агатон Валленберг. Он сам разметил на карте участки для будущих загородных вилл (многие из этих участков принадлежали если не самому Кнуту-Агатону, то банку), построил железнодорожную ветку и уговорил особу королевских кровей заложить первый камень в фундамент «Гранд-отеля». Доходы с этого предприятия банк Валленбергов получает до сих пор.

Единокровные братья, управлявшие банком, как уже было сказано, вкладывали деньги в любое дело, казавшееся им прибыльным. В конце прошлого века стокгольмцы невероятно увлекались оперой, и горю их не было предела, когда сгорело здание театра. Валленберги оказались тут как тут. Они предложили создать консорциум для строительства нового театрального здания. Консорциум был создан, банк положил в свои сейфы 300 тысяч крон чистой прибыли, а здание театра, отнюдь не самое красивое и удобное, до сих пор возвышается в центре Стокгольма. Валленберги нажились на организации и строительстве павильонов Всемирной выставки в Стокгольме. Они умело эксплуатировали талант шведских инженеров. Субсидию изобретателю сепаратора Лавалю они окупили с лихвой, вложив деньги в строительство первого в мире сепараторного завода. Легендарный царь Мидас, превращавший в золото все, к чему прикасался, мог бы позавидовать способности Валленбергов извлекать прибыль.

...С того момента, когда пастор Якоб, любивший морские приключения, и его брат Маркус впервые попали в поле зрения истории, прошло два столетия. Нынешний, самый младший из клана Валленбергов — представитель уже седьмого поколения этой фамилии и пятого поколения банкиров — владельцем «Эншильда банк». Не многие королевские династии могут похвастаться такой устойчивостью и таким долголетием.

Срок существования финансовой «империи» Валленбергов, однако, отмерен, как и срок социальной системы, ее породившей. Если бы в этой «империи» был свой принц Гамлет, он мог бы с не меньшей уверенностью, чем шекспировский герой, рассказать о неладах, о царящей в ней гнили.

И все-таки «империя» Валленбергов, хотя она обречена историей, еще не разваливается. Более того, она пользуется гигантским влиянием не только в Швеции, но и в окружающем ее капиталистическом мире. Попробуем разобраться, что она представляет собой сегодня.

«Империя» и ее правящий дуэт

Итак, что же представляет собой «империя» Валленбергов?

Ее центр, ее ось, ее, если хотите, метрополия — это, как уже было сказано, Стокгольмский частный банк — «Эншильда банк», правда, ныне изменивший свое название. На массивном четырехэтажном здании штаб-квартиры банка, которое своим фасадом выходит на столичный бульвар Кунгстрэдсгорден, нет официальной вывески. Но все равно это здание известно всем и каждому в Стокгольме, будь он швед или иностранец. Еще больше знакома жителям шведской столицы голубая неоновая надпись «Эншильда банк», которую можно было увидеть и на любом мало-мальски оживленном перекрестке, и в отдаленных кварталах новостроек, там, где размещается контора или отделение банка. В столице их несколько десятков, и почти неизменно с отделением «Эншильда банк» соседствует контора «Хандельс-банкен», а до недавнего времени соседствовала контора «Скандинависка банкен». Как стародавние московские молочники Чичкин и Бландов, строившие свои магазины буквально дверь в дверь, хозяева этих трех банков старались разместить свои конторы если не рядом, то поближе друг к другу. Ничего не поделаешь — конкуренция!

Мы говорим о Стокгольме не случайно. «Эншильда банк» — это столичный банк. Хотя чеки его с благоговением принимались повсюду в стране, ни в одном периферийном городе или местечке Швеции не найти его конторы. Лишь в 1968 году было открыто отделение «Эншильда банк» в Гетеборге, втором по величине шведском городе. Это не каприз хозяев банка. Такова буква его устава, утвержденного властями еще в 1856 году, когда «грюндаре» Андре Оскар Валленберг ходатайствовал об учреждении банка. Устав ограничивает его деятельность столицей.

Это, разумеется, отнюдь не означает, что «Эншильда банк» не пользуется никаким влиянием на провинциальные банки. Пользуется. Не только в силу своего веса в экономике Швеции вообще, но и благодаря активным деловым

связям с «младшими партнерами» на периферии. А кроме того, хозяевам «Эншильда банк» фактически принадлежат контрольные пакеты банков «Смоландсбанк» на юге страны и «Бохюсбанк» на западе.

«Эншильда банк» — акционерное общество. Число его акционеров превышает 10 тысяч человек. Всякие среди них есть люди, понятно, но в первую очередь из тех шведов, что побогаче. Часть акций принадлежит различным предприятиям, фондам не только валленберговской группировки, но и сторонним. Однако при всей распыленности капитала банк остается семейным делом Валленбергов. Нынешние его хозяева лично владеют 20 процентами акций, а через контролируемые ими предприятия — еще примерно 10 процентами. Это позволяет Валленбергам практически единолично управлять банком.

Заглянем внутрь темно-серого здания на Кунгстрэдсгорден. Здесь царят тишина и строгие, можно даже сказать весьма консервативные, порядки с соблюдением всех пред-рассудков старины. В штаб-квартире банка вы, например, не найдете комнаты № 13. На двери помещения, которое должно было быть по правилам означено «чертовой дюжиной», аккуратно выведено число 31. Консерватизм нравов «Эншильда банк» проявляется, однако, и в более серьезных вещах. Официальные биографы клана прославляют одного из Валленбергов прошлых времен за то, что он выступал за равную оплату мужчин и женщин, работающих в банке. В наши дни наследники этого либерала долго старались не брать к себе на службу членов профсоюза. Участие в организованном рабочем движении противоречит, по мнению хозяев «Эншильда банк», интересам и принципам их предприятия.

Такова метрополия. Ее вассальные владения складываются из трех основных элементов. Это, во-первых, различные созданные в разное время Валленбергами фонды. Это, далее, инвестиционные тресты. И наконец, это десятки и даже сотни предприятий, которые контролируют Валленберги.

Фонды и инвестиционные тресты играют важнейшую роль в нынешней деятельности банка. Их учреждение не было капризом, а суровой экономической необходимостью, за которой легко разгадать стремление Валленбергов выгоднее распорядиться своими капиталами. Начнем с того, что так называемые «фонды с общественными целями», по шведскому законодательству, освобождены от уплаты налогов, довольно высоких по сравнению с другими капитали-

стическими странами. Создав из своих капиталов (всех или части) какой-нибудь фонд, шведский мультимиллионер убивает сразу двух зайцев: он уклоняется от выплаты налогов и, стало быть, сохраняет свое богатство и свой личный контроль над ним и получает, кроме того, необходимую свободу маневра, ибо никто не запрещает использовать средства фонда для капиталовложений и т. п. В условиях Швеции эта возможность приобретает особое значение, поскольку после печально знаменитой аферы биржевого спекулянта Ивара Крейгера (речь о нем пойдет ниже), разорившей во время кризиса 1929—1932 годов тысячи шведов, банкам запрещено производить прямые капиталовложения в промышленность. За них это делают теперь созданные банками фонды и инвестиционные тресты. Эти последние формально, по закону должны быть независимы от банков. Однако фактически, по словам одного шведского автора, они «действуют в союзе с банками, который обеспечивается личными связями». Союз этот гораздо теснее и основывается не только на личных связях, но и на прямом участии банков в инвестиционных трестах.

Валленберги сумели создать несколько «фондов с общественными целями». Один из них — пенсионный фонд банка. Он невелик и не играет особой роли в ежедневном бизнесе стокгольмского «Эншильда банк». Гораздо более важны «Фонд Кнута и Алисы Валленберг» и «Инсентив».

«Фонд Кнута и Алисы Валленберг» действительно имеет отношение к общественным интересам. Из него частично финансируется научная деятельность в Швеции — кое-какие научные исследования, зарубежные поездки ученых и т. п. Однако фонд вместе с тем и крупный пайщик банка. Ему принадлежат акции валленберговских инвестиционных трестов, акции ряда крупных промышленных предприятий. Этот фонд, короче говоря, является в первую очередь прямым орудием Валленбергов в расширении границ их финансово-промышленной «империи», орудием обеспечения ее целостности.

Несколько иной характер носит фонд «Инсентив». Истинная его цель еще менее завуалирована. Она, как утверждают, состоит в том, чтобы оказывать финансовую поддержку новым отраслям промышленности, продвигать современную технологию и тем самым способствовать тому, чтобы Швеция была на уровне века научно-технической революции. Кто может сказать, что это противоречит интересам шведского общества в целом? Да и фондом руководит специально учрежденный комитет, в состав которого вхо-

дят десять крупнейших ученых. Но посмотрите, как действует фонд на практике. «Инсентив» попросту покупает контрольный пакет акций того или иного предприятия в таких отраслях промышленности, как медицинское оборудование, производство точных инструментов, электроника и т. д. Купив такое предприятие, которое конечно же поначалу бывает малорентабельным, фонд реорганизует его, ставит новое руководство, и предприятие начинает приносить доход фонду, то есть все тем же Валленбергам. Еще не прошло и десяти лет с момента создания фонда, а он управляет уже 15 заводами.

Говоря о валленберговских инвестиционных трестах, обычно указывают два из них, носящие высокопарные латинские названия «Инвестор» и «Провидентиа». Но Валленберги распоряжаются на самом деле несколько большим числом таких трестов. Достаточно сказать, что «Провидентиа» контролирует четыре дочерних инвестиционных треста. Кроме того, инвестиционным трестом можно считать и «Акционерное общество интересов предприятия Гёта-канала», то самое, с участия в котором началась финансовая деятельность линчёпингского епископа.

Через эти тресты щупальца Валленбергов и дотягиваются до периферии их «империи» — до десятков шведских предприятий, больших и малых, частных и полугосударственных, в тяжелой промышленности и в легкой, в сфере обслуживания и в системе общественного питания. Сколько предприятий контролируют Валленберги, с точностью сказать никто не может, кроме, пожалуй, самих хозяев банка, а они не очень разговорчивы на этот счет. К тому же промышленная периферия — наименее застывшая часть «империи». Здесь происходят постоянные перемены: одни предприятия ликвидируются, другие в процессе реорганизации делятся на два, а то и на три, третьи приобретаются или создаются заново.

Кое-какая статистика предприятий, принадлежащих Валленбергам или контролируемых ими, все же имеется. Об их числе дает представление количество директорских постов, которые занимают сами Валленберги и члены правления их банка. Не будем указывать занятия каждого из них, приведем сразу итоговые данные: 263 директорских поста в 175 предприятиях. При этом лично Валленберги занимают посты в 115 компаниях.

Когда мы говорим «предприятие», то имеем в виду не просто конкретный завод или фабрику, фешенебельный ресторан или самый дорогой в Швеции универмаг. В числе тех

175 предприятий, делами которых руководят Валленберги и их приближенные, немало крупнейших концернов. Назовем некоторые из них.

Валленбергам принадлежит весомый пакет акций шарикоподшипникового концерна СКФ, дающий им возможность вершить делами этой международной монополии. 80 предприятий СКФ, расположенные в 20 странах, выпускают полмиллиарда роликовых и шариковых подшипников в год — пятую часть потребности мирового капиталистического рынка.

В сферу влияния Валленбергов входит вертикальный трест АСЕА, который, в свою очередь, контролирует 34 предприятия, выпускающие всякого рода электрооборудование — от простейших генераторов до комплектного оборудования атомных электростанций и даже обогащенный уран для атомных котлов. Через АСЕА Валленберги держат в своих руках заводы фирмы «Электролюкс», фактически монополизировавшей шведский рынок бытовых электроприборов, и фирмы «Свенска флэктфабрикен», продукция которой — промышленные вентиляторы и заводские установки для кондиционирования воздуха — пользуется высокой репутацией на мировых рынках.

Еще один вертикальный трест «Стура Коппарберг». Шведы говорят о нем как о старейшем акционерном обществе в мире. Когда-то его деятельность распространялась лишь на железорудные разработки. Сейчас в ведении треста сталелитейные заводы и электростанции, лесоразработки и целлюлозно-бумажные фабрики. Помимо этого, «Стура Коппарберг» считается одним из крупнейших землевладельцев Швеции.

Даже краткий рассказ о предприятиях, входящих в «империю» Валленбергов, грозит чересчур затянуться. А ведь это далеко не полный список. Мы даже не успели еще назвать такую фирму, как «Атлас-Копко», выпускающую буровое оборудование, как «Сааб», которая специализируется на автомобилях и самолетах, как «Эпа», обладающую сетью универмагов стандартных цен, как военный концерн «Буфорс» с его пушками, броневиками и другой продукцией военного назначения, как всемирно известный телефонный трест «Л. М. Эрикссон» и т. д. и т. п.

И заметьте: среди валленберговских предприятий оказываются как раз те, продукция которых приносит успех Швеции на мировых рынках, славу и известность ее технологам и изобретателям. Валленберги знают, куда вкладывать свои капиталы.

Возникает вопрос: как же удалось Валленбергам создать такую огромную «империю», взять под свой контроль так много крупнейших предприятий страны? Ведь Валленберги, как уверяют нас все статистические источники и официальные биографы клана, не так уж богаты лично. Да и банк их считался не самым богатым, а лишь третьим по величине в Швеции. Стоимость же «империи» во много раз превышает личное достояние банкиров и активы банка.

Статистика в данном случае не лжет. Валленберги просто умело применили «систему участия», одну из основ, на которой строится господство финансово-монополистической группы. Механизм этой «системы» не очень сложен. Вот как схематично выглядит он в изложении американского журнала «Форчун», который анализировал централизацию капитала в Швеции. Предположим, пишет журнал, что владение 20 процентами акционерного капитала компании дает право контроля над ее деятельностью. Предположим, что господин *X* и его семья покупают 20 процентов акций компании *A*. Эта компания в свою очередь владеет 20 процентами акций компании *B*, а последняя — 20 процентами акций компании *B*. Таким образом, выходит, что семейство *X* получает возможность контролировать сразу три компании, хотя их доля в компании *B* составляет всего 4 процента, а в компании *B* вообще только 0,8 процента. Преимущество этого способа состоит в том, заключает «Форчун», что капитал приобретает силу рычага, механизм воздействия которого легко скрыть от посторонних глаз.

При всей условности этого рассуждения, оно точно соответствует каждодневной практике Валленбергов. Судите сами. «Фонду Кнута и Алисы Валленберг» принадлежит 18 процентов акций инвестиционного треста «Инвестор», который в свою очередь владеет 16 процентами акций треста «Стура Коппарберг», который обладает 8 процентами акций компании «Грэнгесбергсбулагет», которая... Это как «дом, который построил Джек»...

Ничего нового в этой «системе», безусловно, нет. Но ловкость, с какой ее применяют Валленберги в шведских условиях, вызывает восхищение даже за океаном, свидетельством чему статья в упомянутом журнале «Форчун», а в самой Швеции о ней говорят только как о «валленберговой хватке».

Конечно, в состав «империи» «Эншильда банк» входят предприятия «чисто валленберговские», то есть такие, большинство акций которых принадлежит самим Валленбергам и дельцам, издавна связанным с Валленбергами семей-

ными узами и деловыми интересами, тем, кого в Швеции называют «вспомогательными войсками» Валленбергов. Так, банкиры и их ставленники владеют 56 процентами акций компании «Атлас-Копко». Но в «империи» Валленбергов таких предприятий не так уж много, едва ли четыре десятка из 175. Над остальными они осуществляют контроль с помощью своего излюбленного метода, основанного на «системе участия». Контроль этот достался хозяевам стокгольмского «Эншильда банк» не такой уж большой ценой не только благодаря «системе участия» как таковой, но и за счет относительно более высокой степени распыленности капитала по сравнению с некоторыми другими западноевропейскими странами. Многие шведы верят еще в сочиненный буржуазными идеологами миф о том, что-де Швеция — это «народный дом», где все равны, где все хозяева. И тысячи людей покупают акции, вкладывая в них нередко все свои сбережения... В результате контрольные пакеты акций шведских предприятий становятся все меньше. Оборотистому предпринимателю теперь, как рассказывают стокгольмские газеты, бывает достаточно и 25 тысяч крон, чтобы заполучить контроль над фирмой с миллионным капиталом.

Охотно рассуждая о «шведском народном доме», сами владельцы валленберговских предприятий вовсе не собираются краситься под «народность». Этот наряд они оставляют адвокатам капитализма, самозабвенно рекламирующим «равноправное участие всех владельцев акций в делах компании». Акции «Стура Коппарберг» имеются у 28 тысяч шведов. В правлении же треста нет представителей этих «простых акционер-владельцев», они фактически лишены права голоса, а трестом распоряжаются Валленберги.

Сколько же их, Валленбергов? За два столетия их клан невероятно разросся, породнился с другими семействами миллионеров и шведской знати и насчитывает сейчас около 200 человек. Но делами банка и всей финансово-промышленной «империи» практически безраздельно управляют два брата — 80-летний Якоб и 74-летний Маркус. Они стоят у руководства банком и многочисленными компаниями и трестами с 1943 года, когда умер их отец судья Маркус Валленберг, создававший вместе со своим бездетным братом Кнут-Агатоном современную «империю».

Среди шведов всегда шли бесплодные споры: кто из нынешнего правящего дуэта главнее — Маркус или Якоб. Невероятная разница в характерах давала пищу для бесконечного продолжения этого диспута. В самом деле, Якоб

старый холостяк и нелюдим, Маркус — семьянин и вовсе не чурается общества. О Якобе рассказывают анекдоты, порожденные его почти болезненной скупостью, о Маркусе газеты пишут не только в разделе светской хроники, но и на страницах, где публикуется политическая информация, ибо именно он призван являть собой перед внешним миром «образ Валленбергов». Якоб коллекционирует старинное шведское серебро, у Маркуса другое хобби — чтение финансовой литературы. Якоб заядлый яхтсмен, Маркус — теннисист, в молодости он был даже чемпионом Швеции.

Видите, какие они разные, эти братья Валленберги. Есть у них и общее. Но то, что роднит братьев, отнюдь не украшает их характеры. Оба они несут пожизненную службу у алтаря Маммоны, оба они выступают как олицетворение шведского финансового капитала, такого же безжалостного в эксплуатации трудящихся, как и капиталистические монополии любой другой страны Запада, оба символизируют реакцию, оба живут по волчьим законам джунглей большого бизнеса.

За завесой молчания

Термин «молчаливое семейство» с давних пор стал синонимом клана Валленбергов. Они неохотно делятся своими взглядами, живут скрытно. Получить у них интервью, кроме официальных пресс-конференций, почти невозможно. «Легче достучаться до святого Петра, чем договориться с пресс-службой банка о беседе с Валленбергом» — таково мнение некоторых шведских журналистов. С тех пор как судья Маркус, один из создателей «империи» Валленбергов, при посвящении в рыцари ордена св. Серафима, подчиняясь требованиям его устава, выбрал латинский девиз «*Esse non videri!*» («Существовать, но невидимо!»), Валленберги всячески стараются быть невидимками.

Присущая Валленбергам скрытность полностью соответствует этому девизу, который, как говорят, вовсе не был изобретением судьи Маркуса, а позаимствован им из арсенала словоречений Фридриха II Великого, прусского короля. И девиз, и обет пришлись впору всему семейству не потому, однако, что все его представители страдают врожденной болезненной скромностью. Клан банкиров руководствовался предосторожностью. Хотя нет в официальных биографиях Валленбергов — от седьмого колена до наших дней — чего-либо предосудительного, далеко не все их деловые операции безукоризненны, и о них лучше помалки-

вать. Если же что и отличает эти операции, то безжалостность. Та безжалостность, которая приводит в трепет конкурентов и, как рассказывают, заставляет их на смертном одре просить наследников клясться в том, что они никогда не передадут дело Валленбергам.

Может быть, предания о подобных клятвах и не целиком отвечают истине. Зато фактом является то, что многие шведские предприниматели, преодолевая свое предубеждение к социал-демократическим властям и их институтам, которые в их представлении равнозначны социалистическим, предпочитают в трудную минуту обращаться за займами в государственный банк, а не к хозяевам «Эншильда банк». Слишком хорошо известна в деловом мире Швеции жесткая хватка Валленбергов и условия, которыми они обставляют свои кредиты компаниям, стоящим вне сферы влияния их «империи».

Быть невидимым — одно из неперенных условий валленберговских сделок, которые вершатся втайне от общественности. Она узнает о них постфактум, так же как и многие ближайшие партнеры.

В одно прекрасное августовское утро 1967 года власти маленькой коммуны Накка в районе Большого Стокгольма были буквально потрясены одной операцией Валленбергов, которая в деловых кругах даже не обратила на себя особого внимания. Речь шла о купле-продаже недвижимого имущества, которое в данном случае представляло собой небольшой, размером всего в 10 с небольшим гектаров, участок земли. Этот участок был приобретен кем-то из семейства Валленбергов еще в начале века, и теперь его владельцы нашли необходимым расстаться с ним. Сделка старая как мир. Но известие о ней прозвучало для жителей Накки как гром среди ясного неба. Их коммуна планировала построить на упомянутых гектарах современный городской центр. Власти вложили в проект 10 миллионов крон. Конечно, всем было известно, что земля принадлежит Валленбергам, и местный муниципалитет вел с ними переговоры о покупке этого участка. Валленберги торговались с муниципальными советниками, переговоры тянулись и тянулись. А тем временем Валленберги и другой миллионер, хозяин компании «Сконска цемент», имеющей интересы в 57 других предприятиях, Эрнст Ветье, кстати, свойственник Валленбергов, с глазу на глаз обсуждали детали своей земельной операции.

Никто не знает точно, где шло это обсуждение: то ли за дубовой дверью кабинета частной конторы Эрнста Ветье на

улице Ханса Михельсена в Мальмё, то ли на теннисном корте Фальстебру (Маркус Валленберг до сих пор играет в теннис), а может, в охотничьем домике Ветье, похожем больше на дворец. Ведь Валленбергов и их партнера Ветье никак нельзя причислить к болтунам. Поэтому многочисленные «где», «как» и «почему» прессы так и остались без ответа. Газеты узнали только конечный результат: участок в Накке продан компании «Сконска цемент» за 24 миллиона крон. Коммунальные власти Накки могли предложить мультимиллионерам только 6 миллионов.

Могут сказать: ничего особенного, просто подвернулся более щедрый покупатель. Смысл сделки заключался, однако, не только в полученной Валленбергами сумме. Сделка возмутила всю демократическую Швецию. И не только потому, что напомнила шведам о безудержной спекуляции земельными участками, которые осуществляли Валленберги в прошлом, в пору строительства железных дорог и интенсивной эксплуатации Гёта-канала. Не только потому, что жители Накки были поставлены перед фактом, а многие из них столкнулись с реальной перспективой ухудшения условий жизни (те, кому придется жить в домах нового центра Накки, имеют все основания тревожиться: чем дороже участок земли, на котором ведется жилищное строительство, тем выше квартплата). И не только потому, что, затягивая переговоры с муниципалитетом Накки и сторговываясь за его спиной с Эрнстом Ветье, Валленберги вели малодостойную двойную игру. Осуществляя операцию в Накке, валленберговский банк пошел на прямой подлог.

Дело в том, что как раз накануне вступил в силу новый закон, согласно которому резко повышались налоги на куплю-продажу недвижимости. По этому закону, за земельную сделку таких масштабов, как в Накке, Валленбергам пришлось бы внести в казну государства и коммуны 12 миллионов крон. Но Валленберги увидели возможность уплатить вдвое меньше, и они не были бы Валленбергами, если бы не воспользовались ею. В отчетах банка продажа участка земли в Накке была показана не как сделка с недвижимостью, а как продажа... складированного товара. Совсем другая операция — и совсем другие налоги!

Так, обойдя закон, по словам газеты «Афтонбладет», Валленберги упрятали в свои сейфы 18 миллионов крон.

А что же муниципалитет Накки? «Наши деньги, затраченные на планирование, выброшены в море», — жаловался газетам коммунальный советник Оскар Халльбек. Но что за дело хозяевам «империи» до судьбы маленькой комму-

ны? Они блюдут собственные интересы. Ведь они постоянно в нужде. «В международном плане,— сетовал как-то Маркус Валленберг,— мои доходы — пустяк. Нефтяной шейх где-нибудь в Кувейте получает столько же за две недели!..» Быть на уровне «мировых стандартов» мультимиллионеров — вот цель и мечта Валленбергов. На достижение этой цели и направлены все их помыслы.

Афера в Накке не единственный случай, когда Валленберги используют в своих интересах шведские законы или, если хотите, отсутствие таковых. В Швеции, например, нет антитрестовского законодательства. Даже там, где такое законодательство существует, монополии ухитряются обращать себе его на пользу. В Швеции, повторяем, нет никакого. И этим обстоятельством пользуются Валленберги и иже с ними. Шведские монополисты создали прочную сеть картельных соглашений, позволяющих им диктовать цены даже в период, когда правительство, подчиняясь требованиям положить конец инфляции, объявляет об их «замораживании».

Можно обойтись и без картельных соглашений. Для этого нужно обеспечить если не монопольное, то главенствующее положение в той или иной отрасли производства. И Валленберги добиваются этого, благо Швеция страна небольшая и сами размеры производства дают им возможность сравнительно легко установить свое господство на том или ином рынке. Когда в Швеции некоторое время назад возникли первые признаки строительного бума, Валленберги отреагировали немедленно. Нет, они не стали накладывать руку на всю строительную индустрию, чтобы приобщиться к прибылям, которые сулил бум. Они удовлетворялись «малым», скупая фабрики, фабрички и мастерские по изготовлению деревянных конструкций. А скупив, подняли цены. Расплачиваться за это пришлось не строительным компаниям и подрядчикам, а, как говорится, простым квартироръемщикам. Ведь повысилась стоимость строительства, но вслед за этим неизбежно поднялась и стоимость жилья, выраженная в квартплате.

В Швеции с ее достаточно холодными зимами и бесконечно долгими и сырыми осенними месяцами в большом ходу электрообогревательные приборы. Шведские статистики подсчитали, что шведам каждый год требуется по меньшей мере 200 тысяч штук таких приборов. Подобного рода статистические данные не могут составлять секрета, и едва они были опубликованы, как в штаб-квартире Валленбергов были сделаны соответствующие выводы. Валленбергов-

ский завод в городе Мутала, практически единственное предприятие в стране, выпускающее электрокамины всякого рода, немедленно сократил их производство и вздул цены.

Когда комиссия по ценам Центрального объединения профсоюзов Швеции (ЦОПШ) приступила к исследованию положения дел на рынке бытовых холодильников... Впрочем, не достаточно ли уже примеров? Разве не ясно, что монополия Валленбергов, их «обычные деловые операции» бьют прежде всего по интересам массового потребителя? Монополии наживаются за счет широких слоев населения. Эта азбучная истина прямо подтверждается деятельностью финансово-промышленной группировки Валленбергов.

Что же касается шведских бытовых холодильников, то с ними связана история позанятнее отчета комиссии ЦОПШ, обнаружившей, что предприятия Валленбергов искусственно завышают их цену. Совсем недавно, лет двенадцать назад, крупным производителем холодильного оборудования в Швеции был мультимиллионер Аксель Веннер-Грен. О нем жителям шведской столицы напоминает серая призма 20-этажного «Веннер-Грен центра» для научных исследований, построенного на средства учрежденного мультимиллионером фонда (он, как и Валленберги, знал цену безналоговым фондам). В 20-е годы Веннер-Грена по размаху деловых операций ставили вровень с упомянутым уже Иваром Крейгером, биржевым воротилой номер один тогдашней Швеции. Он был даже удачливее Крейгера. Но в то время, о котором идет речь, Веннер-Грена преследовали неудачи. Он ввязался сразу в несколько крупных дел — вкладывал деньги в Британской Колумбии, финансировал сомнительный проект создания монорельсовой дороги и предприятия по производству электронно-вычислительной техники. Ни одна из этих операций не дала ему быстрой прибыли, и над Веннер-Греном нависла угроза разорения. «На помощь» ему поспешили Валленберги.

Рассказы о том, что Валленберги всегда протягивают руку помощи терпящим бедствие, стали в Швеции чуть ли не хрестоматийными. В любом их жизнеописании вы встретите притчу уже столетней давности о секретаре Шведской академии по имени Хеннинг Хамильтон. Сей ученый муж задолжал 700 тысяч риксдалеров, он был на грани финансового краха и, боясь переступить ее, подделал подписи своего племянника на чеках. Афера вскрылась, и Хамильтон стоял уже на пороге короткого знакомства с уголовным

кодексом. Беду, как говорят, отвел Андре Оскар Валленберг. Но была ли его рука помощи только рукой дающей? Притча обрывается еще до этого закономерного вопроса. Точного ответа мы, видимо, никогда не получим. Но характер и деловая хватка Валленбергов заставляют предполагать, что их «помощь» никогда не была и не может быть бескорыстной. И случай с Веннер-Греном подтверждает это.

Вернемся в 60-е годы нашего столетия. Сногсшибательные прожекты Веннер-Грена вызвали явное недоверие в шведском деловом мире. Кредиторы отвернулись от него, банки отказывали в займах престарелому мультимиллионеру. Призрак банкротства, нависший над Веннер-Греном, стал обретать плоть. Вот тогда-то доведенный до отчаяния Веннер-Грен, вспомнив, очевидно, хрестоматийные рассказы о том, как Валленберги выручали терпящих бедствие, и пренебрегши советами людей более умудренных, заклинавших никогда не иметь дела с Валленбергами, и обратился к Маркусу Валленбергу. Тот живо откликнулся на призыв, согласившись на предложение Веннер-Грена приобрести контрольный пакет акций компании «Электролюкс», который давал Валленбергу право на директорский пост в ней. Довольный покупкой, Валленберг даже пообещал купить первую же электронно-вычислительную машину, выпущенную предприятиями Веннер-Грена, что явно повысило бы доверие дельцов к погрязшему в долгах «королю холодильников». (Ничего не стоившее обещание, поскольку веннер-греновские ЭВМ так и не были доведены до кондиции.)

Сделка состоялась. Веннер-Грен «с честью» вышел из затруднительного положения, а Валленберги прибавили к своей «империи» солидный куш да еще нанесли удар по старому конкуренту — банку «Скандинависка банкен», который занимался делами Веннер-Грена. Вся эта операция была осуществлена втайне от банкиров Веннер-Грена, от того же «Скандинависка банкен», с глазу на глаз между двумя заинтересованными лицами, что полностью соответствует принципам Валленбергов. Подробности соглашения между Веннер-Греном и Валленбергом до сих пор хранятся за семью печатями. О нем вообще стараются не вспоминать даже в специальных работах о Веннер-Грене и о судьбе его финансово-промышленной империи (одна из таких работ была подробно изложена в серии статей, опубликованных в конце 1973 года стокгольмской газетой «Дагенс нюхетер»).

Новое приобретение давало Валленбергам солидные преимущества. «Электролюкс» — крупнейший производи-

тель бытовых холодильников в Швеции. И это возвращает нас к отчетам комиссии ЦОПШ по ценам, уличившей Валленбергов в установлении монопольных цен...

Десять лет спустя компания «Электролюкс» сама выступила в роли покупателя. На этот раз жертвой Валленбергов, которые скрывались за акцией «Электролюкс» на ниве приобретательства, стал один из заводов компании «Фа-ста», производящей электронно-счетную аппаратуру. Это — семейная вотчина известных шведских промышленников С. и Г. Эрикссонов. Последние два года перед описываемыми событиями упомянутый завод испытывал серьезные затруднения, как, впрочем, и компания в целом. Спрос на ее продукцию упал, было объявлено о предстоящем сокращении производства и увольнениях. Эти обычные для капиталистического хозяйствования меры, видимо, не принесли компании ожидаемого успеха. В результате ей пришлось расстаться с одним из десяти своих заводов, а «империя» Валленбергов обогатилась еще одним предприятием.

Конечно же Валленберги не просто подбирают то, что плохо лежит. Далеко не все приобретения даются им легко. Многие из них сопровождаются ожесточенной конкурентной борьбой, детали которой скрыты завесой коммерческой тайны, более плотной, чем иные дипломатические секреты. Дипломатические архивы Англии обнародуются, как известно, через 50 лет, Швеции — даже через 30. Архивы банков никогда не публикуются. Поэтому мы, видимо, так никогда и не узнаем все перипетии закулисной истории «войны за наследство Крейгера», которая длилась три десятка лет, вдвое дольше, чем, скажем, знаменитая «война за испанское наследство».

Сейчас об Иваре Крейгере почти все забыли. Между тем это был едва ли не уникальный для XX века миллионер-авантюрист и биржевой спекулянт, безраздельный властелин всемирной спичечной империи, который в период, предшествовавший мировому кризису 30-х годов, держал под своим контролем множество крупнейших шведских и зарубежных предприятий. Его аферы почти неминуемо должны были кончиться полным провалом, если учесть, что Крейгер целое десятилетие фальсифицировал отчеты своих предприятий, создавал «липовые» дочерние предприятия, существовавшие лишь на бумаге. Но это выяснилось позднее. А в 1932 году, несмотря на жесточайший кризис, поразивший мир капитализма, крах Крейгера потряс всех его многочисленных клиентов и вассалов своей неожиданностью. Авантюрист покончил с собой в Париже, а Швецию долго еще

лихорадила волна банкротств и разорений. Оставшиеся бесхозными крейгеровские предприятия шли с молотка. Их прибирали к рукам его бывшие конкуренты. Большинство их перешло под контроль группы «Скандинависка банкен». Ряд компаний был захвачен международными и иностранными трестами.

Валленбергам, которые, как сейчас говорят, никогда не доверяли Крейгеру, тоже достался солидный куш, в том числе и знаменитый спичечный трест «Тэндстиксбулагет», контролирующий сегодня четверть всего производства спичек в капиталистическом мире, и электромеханический концерн АСЕА. Но многие крупные обломки крейгеровских владений уплыли на сторону. Долгие годы маневрировали Валленберги, прежде чем им удалось прибрать к рукам некоторые из предприятий, принадлежавших Крейгеру.

«Война за наследство Крейгера» завершилась в конечном итоге в пользу Валленбергов, которые только после этого стали в один ряд с группировками «Хандельсбанкен» и «Скандинависка банкен». Ход этой «войны» поневоле расширил связи Валленбергов с международным финансовым капиталом, с крупнейшими заокеанскими банками. Многие из приобретений 30-х годов были осуществлены Валленбергами с помощью Морганов. Связи с ними укрепились в послевоенные годы, когда «Эншильда банк» финансировал в Швеции деятельность таких моргановских трестов, как «Интернэшнл Харвестер», «Интернэшнл мэтч реализейшн» и другие.

Банк Валленбергов вообще, по свидетельству лондонского журнала «Экономист», считается «главным каналом, по которому в Швецию поступают зарубежные инвестиции... Точно так же он является главным средством переправки шведских капиталов за рубеж».

Масштабы этих операций, если говорить об иностранных инвестициях в Швеции и шведских капиталовложениях в развитых капиталистических странах, относительно невелики. Деятельность иностранных компаний в Швеции достаточно тщательно регулируется и ограничивается законодательством, а деятельность иностранных банков и вовсе не разрешена. Понятно, это суживает рамки сотрудничества Валленбергов с зарубежными группировками иностранного капитала в самой Швеции. Зато их связи широки и разнообразны в странах «третьего мира», где Валленберги и их партнеры из США, Англии и ФРГ действуют заодно.

Валленберги принимают участие в строительстве электростанции Кабора Басса в Мозамбике. Их стараниями, по

их инициативе организована международная «Либерийско-американско-шведская минеральная компания» («Ламко»). Ее основные партнеры — валленберговский банк и американская «Бетлхем стил корпорейшн» — сумели получить у правительства Либерии концессию на разработку железных рудников до 2063 года! Вместе с группой Абса из ФРГ и итальянским финансистом Агнелли Валленберги сотрудничают в международном консорциуме по строительству промышленных предприятий в 16 странах Латинской Америки («Адела»). Валленберги проявляют растущий интерес к району Юго-Восточной Азии, к Индии и Австралии.

Словом, хозяевам «Эншильда банк» тесно в старых границах. Они стремятся к расширению своих «имперских» владений за счет более слабых конкурентов, поддерживая авантюры неокOLONизаторов, внедряясь в промышленность и торговлю других стран. Средства в этой борьбе под статью цели, и о них лучше помалкивать. И «молчаливое семейство» тщательно соблюдает этот обет.

В союзе с реакцией

До сих пор мы рассказывали о финансовых сделках хозяев «Эншильда банк», об их влиянии на шведскую экономику, которое никак нельзя недооценивать, если учесть, что Валленберги прямо или косвенно контролируют едва ли не пятую часть всей шведской промышленности. Но читатель, видимо, помнит высказывание социолога Оке Уртмарка, который определял «империю» Валленбергов как центр могущественной финансовой, промышленной и политической организации. Каким же весом обладает клан Валленбергов в политической жизни сегодняшней Швеции?

«Молчаливое семейство», строго блюдущее свои коммерческие секреты, еще менее охотно раскрывает секреты политического свойства. Это не значит, что Валленберги отмалчиваются вообще. Нет, время от времени они на официальных пресс-конференциях высказывают свою точку зрения на ту или иную политическую либо экономическую проблему. Они выступают с лекциями и докладами. Отмечен даже случай участия одного из них в публичной дискуссии.

Публичные высказывания Валленбергов, однако, отражают, так сказать, официальную философию, бытующую в их «империи». Обычно официальная философия не так уж много дает для определения подлинных взглядов лиц, ее исповедующих. Но кое-что узнать из нее все-таки можно.

Из валленберговской официальной философии выясняется прежде всего, что хозяева «Эншильда банк» стремятся по возможности преуменьшить свое влияние. Они предпочитают рассуждать о «концентрации ответственности», нежели о концентрации капитала. И вообще слова «ответственность», «опыт» и «услуги» — самые почетные в их политическом словаре.

Можно выяснить далее, что Валленберги не меньшее значение придают рассуждениям о «служении родине», и лозунг «За короля и родину, за церковь и флаг» они произносили, пожалуй, чаще, чем свой официальный латинский девиз. В желто-голубые цвета национального шведского флага они драпируют многие свои операции, особенно когда речь идет о завоевании тех областей промышленности, где имелись интересы иностранного капитала. «Вся история банка, — говорил судья Маркус Валленберг, правивший «империей» до 1943 года, — показывает, что мы всегда служили родине. Какое бы правительство ни стояло у власти, оно всегда находило в лице «Эншильда банк» слугу, если обращалось к нему с пожеланиями, которые, по нашему мнению, отвечают интересам страны».

Эти слова, произнесенные почти четыре десятилетия назад, отнюдь нельзя считать простым выражением верноподданничества. Вчитайтесь в них. Мы, утверждают Валленберги, оказываем услуги правительству, если оно делает то, что мы считаем нужным! По-иному говоря, что хорошо для Валленбергов, то хорошо и для страны. Типичная философия крупных монополий, которую с трудом вуалируют рассуждения об «опыте» и «ответственности» и о «флаге».

Годами, десятилетиями шведам навязывали мысль о том, что деятельность семейства Валленбергов идет на благо всей стране. Параллельно их убеждали в том, что Валленберги «спасли для Швеции» многие важные отрасли промышленности, загубленные другими, нерадивыми или неспособными, предпринимателями, что хозяева «Эншильда банк» лучше знают, как управлять промышленностью, чем самые мудрые государственные чиновники, и что, следовательно, в интересах страны предоставить Валленбергам наибольшую свободу действий.

Эти псевдоистины, за которыми не скрывается ничего, кроме желания навеки утвердить в Швеции капиталистические порядки, внедряли в сознание шведов долго и настойчиво. На них, как на трех китов, опиралась публицистическая деятельность Андре Оскара Валленберга, писавшего передовые статьи в газете «Дагенс нюхетер». Теперь самим

Валленбергам незачем братья за перо. К их услугам армия штатных борзописцев, сочинителей апологетических биографий, пухлых экономических трудов и газетных передовиц, отстаивающих незыблемость капиталистического строя в Швеции и «незаменимость» Валленбергов и иже с ними. Эти взгляды распространяет крупнейший газетно-издательский концерн Боньеров, тесно связанный деловыми интересами с «Эншильда банк» и, кстати, контролирующий издание газеты «Дагенс нюхетер».

Многолетняя кампания привела к известному успеху. Во всяком случае, она оказала должное влияние на тех, на кого была рассчитана, и в сегодняшней Швеции даже наиболее радикальные из социал-демократических лидеров, игнорируя лозунг рабочих «Долой Валленбергов!», говорят с уважением об их «опыте». Подобные признания не меняют существа дела, как не меняют его маскировочные сети рассуждений о Валленбергах — спасителях Швеции. Валленберги были и остались представителями наиболее реакционных кругов страны, выразителями их мнений и настроений, а чаще всего — и вдохновителями их действий, активными защитниками интересов крупного капитала.

Было время, когда Валленберги выступали в этом качестве открыто и даже официально. Андре Оскар, умерший в 1886 году, не только диктовал своему сыну, будущему судье, передовицы для «Дагенс нюхетер», но и принимал как член парламента активное участие в политической жизни. Другой сын его, Кнут-Агатон, одно время (в годы первой мировой войны) входил в состав буржуазного правительства Швеции в качестве министра иностранных дел и гордился тем, что поставил семейный банк «на старое, соответствующее его рангу место», а правительство и риксдаг — в зависимость от банка.

Почти непрерывное сорокалетнее пребывание у власти в Швеции социал-демократов не давало Валленбергам возможности открытого вхождения в состав правительства. Нет ныне и былой прямой зависимости правительства и риксдага от «Эншильда банк». Но косвенная зависимость сохранилась, если не усилилась. Валленберги по-прежнему неизменно находятся в числе лиц, определяющих решения правительства по тем или иным политическим или экономическим вопросам. Пусть Валленберг не заседает в правительстве, механика консультаций социал-демократических властей с представителями крупного капитала в Швеции достаточно эффективна и без этого. Неофициальные встречи в загородной резиденции шведских премьер-мини-

стров Харпсунде, заседания совета по планированию — все это позволяет Валленбергам вовремя сказать свое веское слово, вовремя выяснить намерения правительства, вовремя предпринять контракции, если таковые, по мнению Валленбергов, необходимы. А когда нужда в таких акциях возникает, то Валленберги выступают в роли их организаторов.

Эта роль — организатора сил реакции, консолидирующего элемента правых кругов — прослеживается далеко в историю. Еще в начале века судья Маркус Валленберг выступил с инициативой создания шведского Союза промышленников, ставшего одной из основных организаций шведских монополий. «Эншильда банк» стоит и за созданием другой такой организации — Общества налогоплательщиков. Обе они превратились в могущественные лобби крупного капитала в политических кругах и в своеобразные центры формирования общественного мнения. В 60-е годы один из нынешних руководителей «Эншильда банк», Маркус Валленберг, был председателем Союза промышленников. Эти же годы дают немало примеров того, как Валленберги организовывали деятельность правых сил во время обсуждения самых актуальных проблем страны.

Острейшие дебаты и не менее острую политическую борьбу вызвал в Швеции вопрос о создании пенсионного фонда. Буржуазные партии готовились дать серьезный бой социал-демократическому правительству, которое, уступая требованиям масс, внесло законопроект о пенсиях по старости, задевающий интересы буржуазии. Координацией усилий по сколачиванию «единого фронта» буржуазной оппозиции руководили из «Эншильда банк» и из штаб-квартиры одного из валленберговских предприятий. На частных встречах представителей монополий с деятелями буржуазных партий речь велась не только о политической линии. Обсуждались даже такие детали, как пропагандистская кампания и парламентская тактика оппозиции. Их основные направления были разработаны специалистами по рекламе и «общественным отношениям» ряда крупных фирм, в числе которых был и шеф «Эншильда банк» по рекламе некий Тойво Сибирцефф. Шведские политические наблюдатели увидели за этой кампанией твердую руку Маркуса Валленберга.

Буржуазным партиям не удалось сорвать принятие законопроекта, соотношение сил в риксдаге сложилось не в их пользу. Однако три года спустя оппозиция вновь попыталась провалить один из важнейших социал-демократических законопроектов, согласно которому в стране учреж-

дался государственный инвестиционный банк. И снова за организацией «единого фронта» буржуазных партий стояли Валленберги, увидевшие в создании нового банка явный вызов своим привилегиям на поприще финансирования шведской промышленности. Лидеры буржуазных партий получили приглашение на неофициальный обед, хозяевами которого были Маркус Валленберг и два других крупных дельца. За обедом шла речь об общей линии депутатов всех буржуазных партий в риксдаге.

Авторы разоблачительных газетных репортажей и серьезных политических исследований потратили немало сил, выясняя, за какую же из трех основных буржуазных партий голосуют Валленберги на выборах в парламент — за центристов, народников или же за умеренных коалиционеров, бывших правых?

Любопытный вопрос. Но в нем ли дело? Выяснение этой подробности фактически лишь маскирует главное в деятельности Валленбергов на политическом поприще, ее стержень. Стержнем этим, как уже, очевидно, заметил читатель, является борьба за консолидацию сил реакции, за сколачивание «единого фронта» буржуазии, обращенного против организованного движения рабочего класса.

Валленберги не ограничиваются чисто политическими акциями и организационными мерами. В это «предприятие» они вкладывают деньги, полагая, что оно принесет им прибыль, если буржуазным партиям удастся прийти к власти. «Инвестиции» принимают форму денежных дотаций буржуазным партиям — явление, широко распространенное в капиталистическом мире и хорошо известное и в Швеции. Во время избирательных кампаний на счета буржуазных партий поступают от «частных жертвователей» десятки и сотни тысяч крон, которые идут на рекламно-пропагандистские цели, на устройство шумных митингов и организацию «встреч с избирателями» за кружкой дарового пива. И партийные функционеры, и их меценаты хранят свои финансовые отношения в строжайшей тайне. Поэтому размеры вклада Валленбергов в фонды буржуазных партий можно вычислить лишь косвенным путем, да и то приблизительно. При этом следует учитывать, что банки, в том числе и валленберговский «Эншильда банк», насколько известно, не оказывают прямой финансовой поддержки партиям. Она осуществляется через компании, фирмы и предприятия, входящие в сферу влияния того или иного банка. Подсчитано, что предвыборная лепта каждого мало-мальски крупного предприятия составляет в среднем 50 тысяч крон. Ста-

ло быть, вклад Валленбергов, которые контролируют более сотни различных предприятий, в деятельность буржуазных партий никак не может быть меньше пяти миллионов крон. Кое-какие детали финансирования шведских буржуазных партий монополиями стали известны в дни одного шумного судебного процесса, состоявшегося поздней осенью 1968 года.

Судили некоего Оке Стенврета, директора небольшой фирмы в Йёнчёпинге. Его обвиняли в «незаконном присвоении и подделке документа». Казалось бы, что особенного? Кто из дельцов не грешит время от времени по мелочам? Но случай со Стенвретом носил и впрямь особенный характер, даже внешне напоминая детективную историю. В самом деле. Внезапно в Швеции исчезает документ весьма секретного свойства. Потом его предлагают одному известному шведскому журналисту. За приличное вознаграждение, конечно. Заинтересованные лица быстро выясняют, кто похититель, и являются к нему, чтобы учинить суд и расправу. Но похититель, как водится в таких случаях, заранее предупрежден и успел скрыться. И т. д. и т. п.

Похитителем был Стенврет. А документ, который он «незаконно присвоил», представлял собой список лиц, финансировавших тогдашнюю шведскую правую партию. Не было ничего удивительного в том, что такой список оказался в руках Стенврета. Ведь руководство правой партии само поручило ему сбор средств на партийные нужды по всей стране.

Несмотря на шумиху вокруг процесса, многое осталось неясным в этом деле — и мотивы поведения Стенврета, который неизвестно почему решил обнародовать упомянутый список, и как вскрылась эта история. Сам список остался за семью замками. Но в дни процесса газеты приводили отдельные данные о щедрых субсидиях монополий и фирм буржуазным партиям, в том числе и правой. Среди «жертвователей» упоминались и валленберговские предприятия. Так, сообщали, что концерн АСЕА в 1967 году внес в парткассу правых 500 тысяч крон, давний партнер Валленбергов — «Сконска цемент» — 100 тысяч и т. д. Эти данные, как видим, даже превышают приведенные выше среднестатистические выкладки.

Интересы правых сил в Швеции представляют не только буржуазные партии. Крупным их отрядом является церковь; серьезную их опору представляет собой военная верхушка. И с ними в дружбе Валленберги, особенно с военными кругами. 80—90 тысяч крон составил «тайный фонд»,

который несколько лет назад хозяева «Эншильда банк» отдали в распоряжение тогдашнего главнокомандующего шведских вооруженных сил.

Щедрые финансовые вливания в кассы буржуазных партий до сих пор не приносили Валленбергам крупных дивидендов. Но иные буржуазные лидеры уже открыто заговорили валленберговским языком, рассуждая об «опыте» и «ответственности» частных предпринимателей и о пользе их трудов «во благо» шведского народа. Один из разделов предвыборного манифеста, с которым несколько лет назад выступили политические предшественники умеренных коалиционеров — правые, почти текстуально совпадал с постулатами официальной философии Валленбергов. И владельцы «Эншильда банк», случалось, грубо одергивали строптивых буржуазных политиков, которые позволяли себе несколько «вольные» формулировки.

Незадолго до второй мировой войны буржуазный Крестьянский союз (ныне партия центра) из тактических соображений вписал в свою предвыборную программу слова о том, что «всевластие крупного капитала должно быть сломлено». Как оказалось, это был явно опрометчивый шаг со стороны авторов программы. Ибо едва только программа появилась в прессе, как со страниц консервативной газеты «Свенска дагбладет» прозвучал грозный голос тогдашнего шефа «Эншильда банк» судьи Маркуса Валленберга, вопрошавшего в открытом письме, уж не считают ли творцы программы Крестьянского союза его, Маркуса, и банк относящимися к крупному капиталу? За первым открытым письмом последовало второе, потом третье, поскольку лидеры Крестьянского союза не решались сразу поставить «империю» Валленбергов за рамки своего категорического лозунга. В конце концов им все же пришлось признать, что валленберговский банк, хоть и относится к крупному капиталу, «имеет нечто положительное».

Подобного рода «воспитание чувств» вряд ли применимо в наши дни. Но Валленберги, как видно из всей их деятельности, по-прежнему стоят на страже своих интересов.

Политические устремления хозяев финансово-промышленной «империи», действующей в границах шведского королевства, их практические дела неизбежно приводят их в лагерь международной реакции. Или, иначе говоря, Валленберги представляют собой один из отрядов международной реакции, причем активно действующий отряд. Поэтому неудивительно, что Валленберги выступали и выступают в открытом союзе с самыми крайними силами реакции. Так

было во время второй мировой войны, когда Валленберги оказывали посильную помощь «третьему рейху». Их банк финансировал поставки в гитлеровскую Германию шведской железной руды и качественной стали, шарикоподшипников и электрооборудования, целлюлозы и инструментов. Многие из этих поставок шли с валленберговских же предприятий.

Валленберги оказывали германским концернам услуги и иного рода. В мае 1940 года «Эншильда банк» приобрел у голландской фирмы «Мендельсон и К^о» 77 процентов акций американского филиала германского концерна «Бош», которому в случае вступления США в войну на стороне антигитлеровской коалиции — а этой возможности уже нельзя было исключать — грозила конфискация. Только после войны выяснилось, что «Эншильда банк» был просто подставным лицом «Боша». По договору между ними (факт существования такого договора нехотя подтвердил позднее «Эншильда банк»), Валленберги обязались держать купленные акции в течение двух лет после окончания войны, а затем вернуть их «Бошу» за заранее установленную сумму — около 3 миллионов долларов. В виде вознаграждения «Бош» перевел на счет банка 650 тысяч долларов.

Сделка не была осуществлена. Американские власти в 1942 году конфисковали акции филиала «Бош». Валленбергам бы и успокоиться. Но они хотели сдержать слово своего договора с концерном «Бош» и затеяли процесс о возвращении акций, купленных ими у «Мендельсона и К^о». Тяжба кончилась компромиссом уже после войны. Но не в исходе процесса дело. Стоимость акций, о которых идет речь, вместе с дивидендами после войны достигала 8 миллионов долларов, и эту сумму нетрудно было подсчитать опытным банкирам. Заранее соглашаясь получить с «Боша» меньше половины ее, Валленберги явно шли на жертву, которую никак нельзя объяснить ни финансовым просчетом, ни дружескими связями с германскими банкирами и промышленниками, с тем же Круппом. Нет, то был политический шаг, открыто сделанная ставка на силы, приведшие к власти в Германии Гитлера.

Эту ставку правые круги проиграли: вторая мировая война окончилась убедительной победой сил антигитлеровской коалиции. Но Валленберги не были обескуражены. В послевоенные годы мы видим их в дружбе и союзе с новым претендентом на мировое господство — реакцией США. Интересы Валленбергов за океаном долгое время представлял Джон Фостер Даллес, одна из самых мрачных

фигур послевоенной Америки, в партнерах «Эншильда банк» появляется Морган. Валленберговские единомышленники выступили с призывами присоединения Швеции к НАТО, а сами Валленберги позднее открыто ратовали за участие Швеции в «Общем рынке», хотя это явно противоречит интересам трудящихся и принципам традиционного шведского нейтралитета.

Участие банка в международных консорциумах, которые орудуют в развивающихся странах, тоже говорит само за себя. Занимаясь наряду с другими империалистическими монополиями хищнической эксплуатацией природных богатств стран Африки и Латинской Америки, Валленберги приобщаются к политике неоколониализма.

Рост политического влияния валленберговской «империи» прослеживается и в масштабе всего капиталистического мира. Уже лет двадцать на Западе периодически проводятся так называемые «бильдербергские конференции». Их инициатором был голландский принц Бернард, собравший в 1954 году в одном из наиболее фешенебельных отелей Голландии, «Бильдерберге», некоторых видных политических деятелей и промышленников Запада для «непринужденных бесед на актуальные темы экономического и политического характера». Участники конференций, понятно, не ограничиваются непринужденными беседами. Конференции, судя по всему, лишь форма согласования политического курса буржуазии.

Маркус Валленберг — непременный участник бильдербергских встреч, а в 1973 году был даже хозяином одной из них, предоставив членам этого узкого кружка отель в Сальтшобадене.

Как видим, Валленберги сейчас идут на равных с капитанами капиталистического мира — своеобразное признание политических «заслуг» молчаливого семейства шведских мультимиллионеров.

Борьба обостряется

Теперь, когда читатель получил представление о семействе Валленбергов, об их владениях и их влиянии в экономике и политике Швеции, ему, пожалуй, станет более понятным состояние лихорадочного беспокойства, охватившее шведских бизнесменов после трагического случая в Худдинге. Как же так: ведь один из столпов шведского капитализма оказался не просто тронутым червоточиной, а основательно подгнившим. Для нордических моралистов неприем-

лемым был сам факт самоубийства наследного принца «империи» Валленбергов. Для дельцов, вся мораль которых сводится к подсчету прибылей, вопрос заключался в судьбе самой «империи». Для одних бизнесменов она была безжалостным врагом, для других, тех, кто втянут в ее орбиту,— матерью-кормилицей и надежной опорой. И тем и другим, понятно, было не все равно, чем кончится история в Худдинге.

Да что дельцы — тысячи обычных шведов не остались равнодушными, узнав о гибели Валленберга-младшего. И речь идет не о мелких держателях акций валленберговских предприятий, приобщенных к бизнесу некоронованных королей шведской индустрии, а просто о рабочих, занятых на заводах и фабриках Валленбергов, фактически о всей трудовой Швеции.

Для этой Швеции, работающей от зари до зари, живущей в тесных квартирках предместий, считающей каждую копейку, богачи Валленберги долгие годы были символом капитализма. Именно эту Швецию Валленберги обманывали махинациями с ценами и спекуляциями земельными участками. Именно эту Швецию они вкупе с другими кланами финансовой олигархии нещадно эксплуатировали, ее пот обращали в золото, оседавшее в сейфах серого четырехэтажного особняка на стокгольмском бульваре Кунгстрэдсгорден. Для этой Швеции возникшая со смертью Марка перспектива падения «системы» Валленбергов связывалась с надеждами на ослабление железной хватки монополий, держащих в своих руках бразды правления почти всей шведской экономики.

Это поистине железная хватка. Дело ведь не только в том, что монополии контролируют банки и предприятия. Они хозяйничают практически в любой сфере жизни Швеции. Их деятельность сводит на нет многие социальные завоевания рабочего класса. Повышением цен отвечают монополии на прибавку к заработной плате, вырванную профсоюзами в тяжелой борьбе с хозяевами, увольнениями (под предлогом рационализации производства, разумеется) — на требования отмены устаревших законов, оставляющих в руках предпринимателей все полномочия в вопросах найма и увольнения рабочей силы. Монополии дирижировали кампанией буржуазных партий против закона о пенсиях, принятия которого добивались трудящиеся.

И не мудрено поэтому, что над плотными колоннами рабочих демонстраций, которые в день Первомая под звуки самодеятельных оркестров двигались по улицам шведской

столицы и других городов, рядом с алыми стягами пролетарской солидарности и бархатом профсоюзных знамен неизменно соседствовал лозунг «Долой Валленбергов!». Впрочем, не только в день Первомая. За последние годы, пожалуй, ни одна массовая манифестация трудящихся не проходила без этого требования.

При всей своей символичности этот лозунг в последние годы все больше и больше наполнялся конкретным содержанием. Ведь с каждым разом все отчетливее и яснее вырисовывалась линия шведской финансовой олигархии, стремившейся за счет интересов трудящихся обеспечить себе прибыли. Результаты этой политики, которой не сумели (или не захотели) противопоставить должные контрмеры власти, проявились, в частности, в неведомом прежде Швеции росте безработицы. На протяжении 1972—1973 годов в отдельные месяцы она достигала 450 тысяч человек, включая скрытую безработицу, а к сентябрю 1973 года, решающему месяцу для шведской внутренней политики из-за проводившихся парламентских выборов, установилась на крайне высоком для Швеции 100-тысячном уровне.

С каждым годом тяжелел налоговый пресс. Повышение косвенных налогов удорожило стоимость жизни. На предприятиях заметно вырос производственный травматизм.

Шведский рабочий класс отвечал на наступление монополий все более решительными протестами. Социальное недовольство, в нарушение сложившейся в Швеции практики, прорывалось забастовками. Самым заметным обострением классовой борьбы отмечены за последний период конец 1969 — начало 1970 года, когда объявили забастовку горняки полугосударственного концерна ЛКАБ. Их борьбу за улучшение условий жизни и труда поддержали все шведские трудящиеся, и вскоре пламя борьбы перекинулось и на частные предприятия. Весной 1970 года стачки вспыхивали одна за другой, в том числе — и не в последнюю очередь — на заводах, входящих в сферу влияния Валленбергов. Бастовали рабочие «Электролюкса», телефонного треста «Л. М. Эрикссон», автостроители концерна «Вольво».

Антимонополистическую борьбу шведских трудящихся возглавляют коммунисты. Они добиваются единства рядов рабочего класса в борьбе против засилья финансовой олигархии, призывают к ликвидации ее господства, к уничтожению ее экономического и политического влияния. «Власть финансовой олигархии должна быть сломлена», — говорится в программе, которую приняла Левая партия — коммунисты. В то же время программа предупреждает о

возможности более широкого наступления капитала на права трудящихся, вырванные в результате упорной борьбы шведского рабочего класса против монополий.

Существовало немало признаков того, что шведская буржуазия действительно готовила такое наступление. Перед парламентскими выборами 1973 года лидеры буржуазных партий четко дали понять, что они готовы к созданию правительственной коалиции, чему прежде мешали межпартийные распри в лагере буржуазии. Шведские политические обозреватели утверждали, что никогда раньше буржуазные партии страны не были так активны в предвыборной кампании и не получали столь обильной финансовой поддержки со стороны капитанов шведской индустрии.

Сигналом к консолидации политических сил буржуазии стали события, развернувшиеся в мире шведского бизнеса после трагического случая в лесу под Худдинге, где свел счеты с жизнью наследный принц «империи» Валленбергов. Шведские и нешведские газеты писали тогда, что самоубийство Марка Валленберга кладет конец дальнейшему существованию «империи». Было и в самом деле похоже, что, оставшись без наследника, которому можно было бы передать контроль над многочисленными предприятиями, семейная монополия Валленбергов оказывалась под угрозой распада. В первые дни этот прогноз многие считали верным. Вскоре после трагедии в Худдинге было объявлено о том, что валленберговский «Эншильда банк» сливается с другим крупнейшим банком Швеции — «Скандинависка банкен». Но это слияние вовсе не означало самоликвидации «империи» Валленбергов, а служило путем к дальнейшему ее укреплению.

Новое финансово-кредитное учреждение «Скандинависка эншильда банкен» сразу заняло ведущее положение в Швеции. Давний соперник Валленбергов — «Хандельсбанкен» оказался отброшенным на второй план, а по общей сумме операций «Скандинависка эншильда банкен» не имеет себе равных в стране.

Слухи о слиянии валленберговского банка со «Скандинависка банкен» на протяжении последних лет повторялись регулярно. Ведь, несмотря на всю мощь финансово-промышленной «империи» Валленбергов, их банк сам по себе был невелик и по объему чисто финансовых операций в 4—5 раз отставал от «Хандельсбанкен». Поиски подходящего партнера для «вечного союза» обсуждались валленберговской верхушкой давно. В семействе банкиров не было единства по этому вопросу. Говорили, что распри и вызвали

тот самый «стресс», который так фатально повлиял на судьбу Марка Валленберга.

«Скандинависка банкен» считался «естественным союзником» Валленбергов. С одними партнерами из «Скандинависка» они состояли в родстве, с другими были крепко связаны деловыми интересами. К числу первых можно отнести семейство цементного короля Ветье, к числу других — Сёдерберга, занимавшего посты в правлениях трех десятков промышленных компаний. Среди важных клиентов «Скандинависка банкен» числились пароходчик Брустрём и стальной магнат Юнсон. В сферу влияния этого банка входили такие крупнейшие промышленные предприятия, как автомобильный концерн «Вольво» и верфи «Гётаверкен», горнорудный концерн «Грэнгес» и многие, многие другие предприятия практически всех отраслей промышленности.

Короче говоря, владения «Скандинависка банкен» были едва ли не обширнее валленберговской «империи». Но она вовсе не растворилась в безбрежных владениях своего избранника по союзу. Вопреки обычной логике в мире капитала крупное предприятие не обязательно поглощает более мелкое. При слиянии обоих банков вышло как раз наоборот, и в результате семейство Валленбергов заняло главенствующие позиции в «Скандинависка эншильда банкен».

В самом деле, в руках «молчаливого семейства» Валленбергов оказалось 7,5 процента акционерного капитала нового банка, что с лихвой обеспечивает возможность контроля за его деятельностью. Еще более показательно распределение сил в составе правления нового банка. Председательствует в нем Маркус Валленберг. В правление, состоящее из 15 человек, введены 8 бывших руководителей «Эншильда банк» и 7 директоров «Скандинависка банкен». Это обеспечивает клану Валленбергов даже формальное большинство при решении всех стратегических и тактических вопросов.

Нет, не умерла «империя» Валленбергов. Она лишь трансформировалась, расширив свои границы. Новый банк стал двадцатым по величине финансовым учреждением Западной Европы и пятидесятым во всем капиталистическом мире. Первый же год деятельности нового банка принес неслыханные барыши Валленбергам. В 930 миллионов крон расценивались прибыли лишь 10 крупнейших предприятий Валленбергов в 1972 году. Это составило треть дивидендов 200 самых важных фирм Швеции. Немало для банкиров с Кунгстрэдсгордена!

Такой резкий рост влияния одной группы шведского финансового капитала имеет значение не только для частных интересов Валленбергов, но и, пожалуй, для страны в целом. В левых кругах шведской общественности слияние двух ведущих банков страны рассматривалось как ответ финансовой олигархии на политику социал-демократического правительства, которое под напором масс пыталось ограничить безудержную деятельность монополий. В левых газетах с тревогой заговорили о растущей концентрации экономической власти в руках кучки монополистов. Многие профсоюзы увидели в этом событии новый аргумент в пользу своих давних требований о более решительных мерах по расширению государственного сектора в экономике и по экспроприации собственности банков и крупных монополий в пользу народа. Лидер шведских коммунистов К.-Х. Херманссон расценил решение о слиянии банков как шаг к концентрации капитала и как признак стремления монополий к политической власти.

Последующие события и, как уже было сказано, предвыборная кампания 1973 года подтвердили политические амбиции буржуазии. Но они подтвердили и другое — растущую решимость рабочей Швеции противостоять натиску финансового капитала. Недаром в ходе парламентских выборов укрепила свои позиции Левая партия — коммунисты, единственная партия страны, выступающая с последовательной программой обуздания монополий.

Несмотря на бешеные усилия буржуазным партиям не удалось на выборах-73 добиться большинства в шведском риксдаге, хотя они и получили дополнительные мандаты. Сложившаяся после парламентских выборов обстановка привела к поляризации классовых сил в Швеции. В этих условиях борьба против деятельности монополий, приобретающей все более открытый антинародный характер, становится особо актуальной. И в рабочей печати, на рабочих митингах все громче, все настойчивее звучит лозунг «Долой Валленбергов!», зовущий шведских трудящихся к борьбе против засилья финансового капитала, за свои жизненные права, к сплочению и единству.